

7720

Б. Старовъровъ.

НѢМЕЦКОЕ ПЛѢНЕНІЕ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья ул., д. № 14-й.

1915.

ELIZABETH HAYHOB

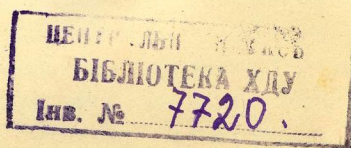
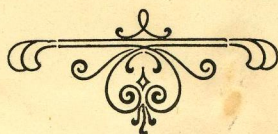
8

Б. Старовѣровъ.

НѢМЕЦКОЕ ПЛѢНЕНИЕ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

116052/

№ 7720
19 III / 34
VI

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья ул., д. № 14-й.

1915.

Проверено
ЦНБ 1988

ЦНБ ХНУ им. В.Н. Каразина
2010 р.

НѢМЕЦКОЕ ПЛѢНЕНІЕ ХАРЬКОВ- СКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

Вступленіе.

Въ настоящее время мы являемся свидѣтелями необычайно печальныхъ и жуткихъ событій.

На западной границѣ льется кровь нашихъ доблестныхъ воиновъ, совершаются подвиги храбрости и самопожертвованія. Казалось бы, что другое, какъ не судьба борющихся народовъ, можетъ насъ интересовать въ настоящее время? И кажется, что предъ важностью такихъ міровыхъ событій *все* поблекло, и не осталось ничего, что, будучи поставлено на ряду съ ними, не потеряло бы своей важности и не показалось-бы отъ того малозначительнымъ и незаслуживающимъ вниманія.

Однако, такъ-ли это?

Къ сожалѣнію, происходящія нынѣ событія въ университетѣ заставляютъ насъ обратить вниманіе и на наши „домашнія“ дѣла. Они открываютъ намъ много поучительнаго...

Поэтому мы и предлагаемъ русскому обществу взглянуть на тѣ безотрадныя условія, въ которыхъ находится Харьковскій университетъ, и на тѣ результаты, которые отъ нихъ слѣдуетъ ожидать.

Харьковскій университетъ съ 1905 г. пересталъ быть храмомъ науки, аудиторіи его обратились въ центры митинговыхъ сходовъ, вырабатывающихъ систему антигосударственной пропаганды. Не касаясь исторіи всѣхъ выступленій революціоннаго подполья, отмѣтимъ лишь самыя послѣднія событія въ университетѣ.

17-го февраля 1914 г. профессорскимъ дисциплинарнымъ судомъ былъ уволенъ на 6 мѣсяцевъ І. Козловскій (студ. медик. 5-го кур.) за дерзкій поступокъ по отношенію къ профессору И. М. Гиммелью: Когда на незаконныя притязанія, направленныя къ профессору отъ имени студентовъ-забастовщиковъ, — отмѣнить въ день забастовки лекціи и зачеты, профессоръ И. М. Гиммель отвѣтилъ, что никакихъ забастовокъ онъ не признаетъ и, указавъ на вывѣщенный листъ, предложилъ записываться для сдачи зачета, то І. Козловскій демонстративно сорвалъ со стѣны этотъ листъ и порвалъ его на глазахъ профессора. Въ увольненіи К—го группа студентовъ усмотрѣла происки „штрейкбрехера“ С. Арутюнянца и на слѣдующій же день, 18-го февраля въ 8 час. вечера, послѣ лекціи пр.-доц. Хажинскаго, они напали на него и избили.

Это избіеніе повлекло за собою аресты среди студентовъ. Всего арестовано было 16 человекъ. Желая скрыть свои истинныя стремленія, студенты-агитаторы, къ главнѣйшему своему требованію—*обратному принятію Іуды Козловскаго* (для этого собственно и предпринималась вся эта кампанія) прибавили еще два: 1) *освобожденіе „невинно“-арестованныхъ товарищей* и 2) *увольненіе изъ Университета С. Арутюнянца*. Эти три требованія были ими продекларированы предъ всѣми факультетами и курсами и объявлены ультимативными.

На всѣхъ сходахъ съ помощью разныхъ увертокъ и спеціально приглашенныхъ лицъ, было принято рѣшеніе: *бастовать до тѣхъ поръ, покуда не удовлетворятъ всѣхъ трехъ требованій*.

Несмотря на очевидную несуразность этихъ требованій и на безусловную ихъ практическую неосуществимость, они были проведены и приняты якобы всѣми студентами. Но приемы, съ помощью которыхъ имъ удавалось проводить такіа домогательства, *сразу же* обнаружались. Вскорѣ появились письма на страницахъ мѣстной газеты „Харьковскія Вѣдомости“ отъ имени группы студентовъ съ горячими протестами противъ такого насилія. Немедленно по отношенію „штрейкбрехеровъ“ были примѣнены самыя *террористическія* мѣры: бойкотъ, запись на черную доску, объявленіе хулиганами, черносотенцами, карьеристами, шпіонами и проч.

„Библейскіе“ судьи являются въ студенческой средѣ *единственной и безапелляціонной инстанціей!* Ни о какихъ возраже-

ніяхъ противъ ихъ рѣшеній не можетъ быть и рѣчи, въ противномъ случаѣ на ропщущаго неминуемо обрушаются тѣ же мѣры.

Весьма обстоятельный анализъ этихъ двухъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, фактовъ (увольненіе Козловскаго 17 февраля и избіеніе С. Арутюнянца 18-го) и ихъ взаимное соотношеніе мы находимъ въ журналѣ „Прямой Путь“ въ „письмѣ студентовъ“ (Іюнь, кн. 6-я):

„Общее мнѣніе таково, что эти два факта представляютъ собой не простую послѣдовательность явленій, а находятся въ причинной между собою зависимости. Избіеніе и аресты (въ связи съ ними) угодны были только г.г. евреямъ и ихъ прихвостнямъ, а потому и вызвать ихъ могли только они.

Въ самомъ дѣлѣ, если на минуту допустить, что въ этомъ избіеніи не было никакой провокаціи со стороны евреевъ, а оно явилось слѣдствіемъ гнѣва со стороны студентовъ за „штрейкбрехерство“, С. Арутюнянца, то и тогда жида не будутъ въ сторонѣ, ибо ясно, что въ этомъ случаѣ оно могло быть учинено только студ. забастовщиками, среди которыхъ *евреи* всегда играютъ первенствующую роль. Но, принявъ во вниманіе, что Арутюнянецъ проявилъ себя „штрейкбрехеромъ“ не только въ этой забастовкѣ, а былъ таковымъ въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, приходится допустить въ этомъ избіеніи *преслѣдованіе особой, тщательно скрываемой цѣли*. Почему раньше, въ продолженіе всего четырехлѣтняго „штрейкбрехерства“ Арутюнянца г.г. забастовщики не произвели надъ нимъ такой *дикой* расправы, разъ они находили этотъ способъ „воздѣйствія“ необходимымъ и цѣлесообразнымъ? Но стоило удалить Іуду Козловскаго, какъ на слѣдующій же день гнусное избіеніе было совершено. Если же вспомнить о значеніи, какое оказали это избіеніе и аресты, послѣдовавшіе за нимъ, въ дѣлѣ возбужденія студенческой массы, то *провокація драки станетъ болѣе чѣмъ очевидной!* Заявивъ затѣмъ требованіе объ освобожденіи арестованныхъ товарищей, а также объ увольненіи Арутюнянца изъ университета, жидамъ удалось скрыть ихъ *специфическія* стремленія и придать движенію принципиальный характеръ! Но насколько имъ дорога была эта идея, мы можемъ судить по тому факту, что забастовка *была прекращена*, не смотря на ея ультимативный характеръ, *лишь только жида получили обѣщаніе отъ попечителя округа Соко-*

ловскаго допустить Іуду Козловскаго къ государственнѣмъ экзаменамъ. На осуществленіи другихъ требованій они уже не настаивали!“

Завѣса съ этого студенческаго броженія теперь спадаетъ, и мы видимъ и инициаторовъ, и *покровителей* его, и преслѣдуемую ими цѣль. Началось это броженіе съ момента увольненія І. Козловскаго, а *окончилось* моментомъ полученія *отъ попечителя округа Соколовскаго* обѣщанія допустить его къ держанію экзаменовъ.

Итакъ, за время забастовки бастовавшіе успѣли добиться гарантій того, что І. Козловскій окончитъ Университетъ. Въ остальномъ отношеніи дѣла нисколько *не измѣнились* и арестованные товарищи не освобождены, но отпускались по мѣрѣ выясненія ихъ невиновности и снятія съ нихъ допроса, а Арутюнянцъ попрежнему оставался студентомъ.

Забастовщики, желая очернить студ. Арутюнянца передъ обществомъ, пытаются доказать, что Арутюнянцъ посѣщаль лекціи не изъ желанія учиться, а для того, чтобы *мѣшать* заниматься своимъ товарищамъ.

О томъ, *кто* натравливалъ цѣлый курсъ противъ Арутюнянца и *кто* его избивалъ, мы находимъ подробное указаніе въ его собственномъ „Письмѣ къ русскому обществу“ (помѣщ. въ газ. „Харьковскія Вѣд.“ за 5 марта 1914 г.): „будучи противникомъ всякой забастовки, я не подчинился продиктованному евреями рѣшенію и одинъ посѣщаль лекціи профессора. За это мнѣ былъ объявленъ 1 февраля бойкотъ, т. е. пятый курсъ долженъ не имѣть со мною никакихъ отношеній. Но, къ сожалѣнію, возбужденные евреями студенты этимъ не ограничились, а начали и въ аудиторіи, и на улицѣ ругать меня словами, неподобающими интеллигентнымъ людямъ, и даже *угрожать смертью*; они стали вести цѣлую *агитацію* противъ меня, настраивая и другіе курсы, и распространяли ложные слухи. На всѣхъ лекціяхъ они вели себя по отношенію ко мнѣ *крайне пренебрежительно*, и, видимо, *искали* всякаго повода для *обостренія* отношеній: при моемъ появленіи даже на лекціи, на глазахъ профессора *избѣгали* меня, *смыслились надо мной*, называя то „Пуришкевичемъ“, то „хулиганомъ“, то „provokatorомъ“. Это повторялось ежедневно.

„Въ день 18 февраля вечеромъ, отъ 7 до 8 часовъ, состоялись практическія занятія въ акушерской клиникѣ Хажин-

скаго. Еще до его прихода студенты собрались въ дежурной комнатѣ... Меня туда не пустили. Я услышалъ, какъ они говорили, что нужно меня „проучить“. У нихъ шло поэтому цѣлое *совѣщаніе*“. Немного ниже читаемъ: „Въ этотъ (18 февр.) злополучный вечеръ одинъ студентъ, по фамиліи Султановъ, всталъ съ *самаго лучшаго мѣста—первой скамьи*, и сталъ передо мной, заслоняя фантомъ. Я попросилъ Султанова не стоять передъ моимъ носомъ и дать мнѣ возможность хоть что-нибудь видѣть или позволить мнѣ сѣсть на его мѣсто“. На этой почвѣ у нихъ произошла перебранка. „Послѣ лекціи Хажинскаго... Я поскорѣе одѣлся и хотѣлъ скрыться отъ предстоящаго позорнаго избіенія, но человекъ десять успѣли раньше меня выйти, остальные же вышли сзади. Во дворѣ, въ темномъ мѣстѣ, они окружили меня цѣпью такъ, что мнѣ никакъ нельзя было даже избѣжать такой позорной, дикой расправы. Двое изъ нихъ *Султановъ* и *Карсановъ* подошли ко мнѣ и пытались отнять у меня палку, которую я всегда носилъ еще со второго курса по случаю ревматизма въ обѣихъ ногахъ. Въ это время одинъ изъ студентовъ сильно ударилъ меня кулакомъ по головѣ сзади, а *Султановъ* далъ мнѣ пощечину.

„Съ трудомъ мнѣ удалось вырвать свою палку изъ ихъ рукъ и я началъ защищаться ею. Къ моему несчастью палка скоро сломалась и тогда всѣ они набросились на меня; одни держали меня за руки, другіе били, куда попало. Причемъ нѣкоторые изъ нихъ громко кричали: „*бить только кулаками, чтобы не осталось слѣдовъ*“... Волосы дыбомъ становятся, когда объ этомъ вспоминаю“.

Итакъ, вдоволь надругавшись надъ ни въ чемъ неповиннымъ Арутюнянцемъ, евреи и проч. инородцы стремятся свалить на него всю вину въ учиненномъ надъ нимъ безчинствѣ, для каковой цѣли они, по совѣту харьковскаго попечителя П. Э. Соколовскаго, подаютъ чрезъ прис. пов. Юшневскаго мировому судѣ 12 участка г. Харькова, жалобу о нанесеніи Арутюнянцемъ Султанову оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ!!!

Вообще слѣдуетъ сказать, что это „движеніе“ носило совсѣмъ особый характеръ. Въ „Прямомъ пути“, въ письмѣ группы студентовъ, мы находимъ по этому поводу богатый матеріаль.

„На естественномъ факультетѣ рѣшено было вынести независимую, отъ рѣшеній всѣхъ другихъ факультетовъ, резо-

люцію. Сходка высказалась *противъ* увольненія Арутюнянца изъ у—та, не одобряя такимъ образомъ предложенія коалиціоннаго совѣта. Указывалось, что, „если мы протестуемъ противъ увольненія Іуды Козловскаго, то, сохраняя послѣдовательность, должны голосовать также и противъ увольненія Арутюнянца. Такимъ образомъ, послѣднее требованіе, выставленное „коалиціоннымъ“ совѣтомъ въ ультиматумѣ, на естественномъ фак. *не было принято*. Рѣшено было также выбрать специальныхъ курсовыхъ представителей для переговоровъ съ попечителемъ (согласно его предложенію) съ цѣлью улаженія конфликта. Но еще до выработки окончательной резолюціи по всѣмъ вопросамъ, явился одинъ студентъ и сообщилъ, что попечитель одному студенту будто-бы сказалъ: „я всегда много общаю, но никогда ничего не исполняю“, и что во дворѣ идетъ общестуденческая сходка. Послѣ этого рѣшили: курсовыхъ представителей не выбирать, затѣя попечителя была признана „провокаціонной“, и студенты „повалили“ внизъ. Тогда предсѣдатель сходки, улучивъ моментъ, опять поставилъ на баллотировку *уже рѣшенный* вопросъ объ увольненіи Арутюнянца, послѣ чего внесъ этотъ пунктъ въ ультиматумъ (будто бы принятый цѣлымъ курсомъ).

На всѣхъ факультетскихъ сходкахъ на просьбу нѣкоторыхъ студентовъ освѣтить фактическую суть дѣла, указать причины, которыя послужили основаніемъ къ увольненію Іуды Козловскаго изъ у—та, предсѣдательствующіе отвѣчали: „фактъ самъ по себѣ возмутительный, а потому мы должны обсуждать только мѣры реагированія“, не выяснивъ настоящаго положенія вещей. Дѣлалось это съ вполне понятнымъ расчетомъ, ибо, если студенты ознакомились бы съ настоящей виной Козловскаго, то многіе нашли бы этотъ приговоръ даже снисходительнымъ!

Такъ выносились обязательныя для всего курса рѣшенія, за несоблюденіе которыхъ товарищи обзывались „штрейк-брехерами“, „хулиганами“, „черносотенцами“, обвинялись въ томъ, что не уважаютъ установившихся въ студенческой средѣ традицій и проч.

Въ старосты обычно попадаютъ студенты, если не съ тюремнымъ цензомъ въ прошломъ, то непременно въ недалекомъ будущемъ. Такъ, въ нынѣшнемъ году студ. юр. (1-го к.) Тк—въ, занимающійся въ университетѣ революціонной

пропагандой 11 лѣтъ (пробывшій въ ссылкѣ 5 лѣтъ) избранъ въ старосты 1-го курса, юридич. фак., а студ. юр. Андрей За—чій, оскорбившій на студенческой сходкѣ Священную для русскаго народа Особу—въ подстаросты того же курса (и фак.).

Но особенно охотно дѣйствуютъ революціонеры подъ маркой „коалиціоннаго совѣта“. На этихъ двухъ институтахъ студенческой жизни мы и остановимся подробнѣй.

Институтъ старость, который официально существуетъ для осуществленія академическихъ задачъ, на сходкѣ перваго курса юрид. фак. характеризовался, какъ органъ, на которомъ лежитъ забота объ „освободительномъ“ руссiйскомъ движеніи, такъ какъ студенты, по словамъ митинговыхъ ораторовъ, должны идти всегда въ авангардѣ его („Институтъ долженъ служить не столько академическимъ задачамъ, какъ политическимъ цѣлямъ“. Передано текстуально). На этомъ основаніи и до сихъ поръ еще сохранилось требованіе отъ кандидатовъ въ старосты политическаго „credo“, крайне лѣваго направленія. Лучшими доказательствами либеральности и радикальности кандидата служить... преслѣдованіе его полиціей. Въ этомъ смыслѣ крайне характерна аттестація П—наго подстаросты 4-го к. юр. фак.) Яб—скимъ: „П—ный вполнѣ благонадеженъ, т. к. онъ много боролся съ полиціей и много отъ нея потерпѣлъ“. Эта „добродѣтель“ его перевозносилась до небесъ, въ противовѣсъ другимъ болѣе драгоцѣннымъ качествамъ: честности, дѣловитости, прямоты и проч. Исходя отсюда можно заключить, что лучшей аттестаціи для кандидата въ старосты или подстаросты, какъ профессиональнаго карманщика—не можетъ быть, ибо они находятся подъ постояннымъ и систематическимъ преслѣдованіемъ полиціи, и слѣдовательно отъ нея терпятъ больше всего! Судя по дѣятельности института старость можно положительно сказать, что онъ только и существуетъ для разжиганія политическихъ страстей и возбужденія студенчества къ различнаго рода волненіямъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо называть этотъ институтъ „забастовочнымъ комитетомъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ извѣстнаго постановленія Совѣта министровъ (1911 г.), запретившаго студенческія сходки и всякія студенческія организации, не имѣющія отношенія къ академической жизни—это было самое тихое и самое сча-

стливое время для научныхъ занятій. Но лишь стоило, незадолго до дѣла Бейлиса всплыть этому „академическому“ институту (старость), какъ предъ нашими глазами проходить цѣлая вереница забастовокъ. Забастовка объявляется въ знакъ протеста по дѣлу Бейлиса, потомъ закрытія медицинскаго общества, назначенія проф. Зоммера, Жебровскаго, перевода проф. Тринклера, увольненія Козловскаго, ареста членовъ Госуд. Думы, виновныхъ въ покушеніи на тяжкое государственное преступленіе и т. д.

Такова „академическая“ дѣятельность этого института.

Спеціальнымъ-же органомъ, вѣдающимъ „забастовочныя“ дѣла, является—„Коалиціонный Совѣтъ“. О назначеніи этого совѣта нѣтъ разногласій и сомнѣній! Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что на этомъ органѣ лежитъ спеціальная и единственная задача—рѣшать всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ въ связи съ забастовкой и всякими студенческими волненіями. Не отвергая права у самихъ студентовъ рѣшать свои столь важныя дѣла, защитники этого совѣта говорятъ только, что при современныхъ условіяхъ студенчество лишено возможности собираться для рѣшенія этихъ вопросовъ, а потому необходимо существованіе для этой цѣли особаго, спеціальнаго органа. Такимъ образомъ этотъ органъ *чрезвычайный*, *исключительный*, т. е. долженъ дѣйствовать не постоянно, а только временами и именно тогда, когда самому студенчеству не представляется возможнымъ разрѣшить вопросъ, вызванный забастовкой. Но насколько можно вѣрить подобнымъ утвержденіямъ, видно изъ того факта, что въ прошломъ академическомъ году, когда студенты, по настоянію попечителя Соколовскаго, собрались на сходку и выбрали представителей курса для переговоровъ съ попечителемъ съ цѣлью „улаженія“ безпорядковъ, то „выбранные“ сходкой представители отъ филологическаго фак., третьяго курса, были забракованы какой то „высшей“ властью: они отказались вставить въ ультиматумъ „и обратное принятіе Іуды Козловскаго“ на томъ де основаніи, что „коалиціонный совѣтъ“ рѣшилъ это требовать“. („Прямой Путь“, Вып. VI). Такимъ образомъ, „коалиціонный совѣтъ“ не *восполняетъ* общестуденческую волю, а *замѣняетъ* ее. Воля совѣта и студенчества не одна и та же, а первая стоитъ надъ второй. Студенчество, оказывается, не имѣетъ „права“ рѣшать

„забастовочныхъ“ дѣлъ. Ему только представляется воспроизвести, скопировать рѣшеніе совѣта и объявить его, какъ собственное, въ противномъ случаѣ оно не будетъ признано. „Коалиціонный совѣтъ“ является высшимъ и непогрѣшимымъ органомъ въ рѣшеніи „забастовочныхъ“ вопросовъ и, слѣдовательно, вся академическая жизнь подчинена этому „ареопагу“.

Кто же надѣлилъ его такими чрезвычайными полномочіями? На чемъ зиждется его абсолютная власть?—На это студенческіе заправилы отвѣчаютъ: „на его самоизбираемости“. Его никто не избираетъ! Онъ „самоизбирается“. Въ виду же забастовочной функціи этого совѣта, члены его въ интересахъ ихъ безопасности должны быть тайны, никому неизвѣстны, но отъ этого отнюдь не долженъ умаляться авторитетъ совѣта!“

Проф. Погодинъ въ журн. „Новое Звено“, такъ говоритъ объ этомъ совѣтѣ: „Что это за трибуналъ, изъ кого онъ состоитъ, во имя чего дѣйствуетъ?.. можетъ-быть это честнѣйшіе эсъ-еры, свято убѣжденные въ спасительности забастовокъ и „революціи“, но, можетъ-быть, и нѣмецкіе агенты, которые должны держать правительство въ страхѣ внутреннихъ безпорядковъ въ случаѣ слишкомъ энергичнаго сопротивленія нѣмецкимъ планамъ, или можетъ-быть, просто Азефы, которые существуютъ на счетъ всякихъ безпорядковъ, хотятъ честно заработать свой кусокъ хлѣба!..“

А между тѣмъ постановленія этого „самоизбирающагося“ совѣта признавались обязательными для всего студенчества. За неподчиненіе имъ подвергали такъ называемому „суду чести“, и объявлялся бойкотъ!

Вообще же слѣдуетъ сказать, что коалиціонный совѣтъ, въ виду его диктаторскихъ дѣйствій, вызывалъ вполнѣ понятное негодованіе со стороны благomyслящаго большинства; и потому забастовки, провозглашаемыя имъ, какъ не пользующіеся сочувствіемъ студенческой массы можно было-бы прекратить, дѣйствуя надлежащимъ образомъ, съ перваго же момента ихъ возникновенія, не давая имъ возможности распространиться ни на шагъ вширь или вглубь. Но попечитель, проректоръ, а также и профессора, видя въ нихъ какія-то „спасительныя“ цѣли, дѣйствовали какъ разъ въ обратную сторону. Всякъ помогаль какъ бы тому, чтобы забастовка

приняла возможно болѣе грандіозные размѣры, захватила возможно большее количество лицъ.

Профессура, что „полиберальнѣе“ воздѣйствовала на „штрейкбрехеровъ“, не признающихъ студенческихъ традицій, выражающихся въ устройствѣ забастовокъ, даже и на экзаменахъ. Такой пріемъ особенно распространенъ на медицинскомъ факультетѣ. Наибольшей яростью въ этомъ отношеніи отличались проф. Шатиловъ, Коршунъ и особенно Пенскій (деканъ медиц. фак.), срѣзавшій студ. Будько только за то, что состоялъ онъ подъ еврейскимъ бойкотомъ, объявленнымъ ему за подачу руки „provokatoru“ Арутюнянцу.

На юридическомъ факультетѣ такіе случаи тоже не рѣдкость. Такъ напримѣръ, въ журналѣ „Прямой Путь“ читаемъ въ письмѣ группы студентовъ о деканѣ юридич. фак. проф. Левитскомъ:

„Неблагожелательное отношеніе проф. Левитскаго къ студ. — „штрейкбрехерамъ“ выразилось въ не менѣе рельефной формѣ, чѣмъ и у названныхъ профессоровъ. Когда на его лекцію пришло нѣсколько студентовъ, среди которыхъ *перваго курса* былъ только *одинъ*, то онъ, спросивъ cadaго изъ нихъ его курсъ, указалъ имъ, что читать для нихъ лекціи онъ не будетъ, т. к. предметъ его читается только для студентовъ *перваго курса*, которыхъ здѣсь *нѣтъ* (?)! Далѣе, превративъ лекцію въ экзамень, онъ началъ распространяться на счетъ ихъ „ничего-незнанья“. Студенты въ вѣжливой формѣ заявили ему, что пришли къ нему не экзаменоваться, а слушать лекцію, и что до экзамена еще остается два мѣсяца, въ теченіи которыхъ они смогутъ еще подготовиться. На это Левитскій отвѣтилъ имъ: „я считаю лишнимъ читать лекціи для *тѣхъ, кто ничего не знаетъ и не понимаетъ*. Затѣмъ, опросивъ ихъ фамиліи и записавъ собѣ въ книжку, добавилъ: „мы еще *на экзаменахъ* встрѣтимся!“ послѣ чего демонстративно вышелъ изъ аудиторіи...“.

Проректоръ Н. И. Паліенко съ своей стороны къ зачинщикамъ забастовокъ проявлялъ особенную любезность, доходившую до слащавости, и всячески ихъ покрывалъ. Онъ допустилъ чинить расправу надъ „штрейкбрехерами“, такъ называемому „суду чести“, по племенному составу представляющему смѣсь армянъ и евреевъ. (на юрид. фак., 4 курса онъ состоялъ изъ 2-хъ евреевъ, 2-хъ армянъ и 1-го русскаго).

Этотъ „судъ“ имѣлъ продолжительное совѣщаніе въ первой аудиторіи, находящейся, какъ разъ, противъ кабинета проректора по вопросу объ отношеніи студентовъ къ лицамъ, *посѣщавшимъ лекціи во время забастовки*. Разумѣется „судомъ“ имъ былъ объявленъ бойкотъ. Впрочемъ лицамъ, согласившимся на позорное униженіе, принесшимъ передъ курсомъ *извиненіе* за свой некрасивый поступокъ (посѣщеніе лекцій) и кромѣ того давшимъ *обѣщаніе* при слѣдующихъ выступленіяхъ безусловно поддерживать забастовку, давалась „амнистія“ и таковыя вновь входили въ составъ товарищей. И таковое вопіющее насиліе производилось въ двухъ шагахъ отъ кабинета проректора! Такимъ образомъ не только *данное* волненіе проводилось безпрепятственно, но и открыто зондировалась почва для „*слѣдующихъ*“ выступленій, въ которыхъ принимать участіе обязались и бывшіе, но извинившіеся „штрейкбрехеры“. Объ этой неслыханно дерзкой пропагандѣ своевременно отмѣчалось на страницахъ мѣстной газеты „Харьковскія Вѣдомости“ самими же студентами, но попечитель вмѣсто того, чтобы провѣрить основательность этихъ фактовъ, объявилъ это сообщеніе (представителямъ академической корпораціи) „явной ложью, которая, конечно, можетъ только вызывать справедливое и понятное негодованіе многихъ (?) товарищей“. Но если попечителю угодно установить всѣ эти факты, то и теперь это еще не поздно, ибо имѣются для этого неопровержимыя и многочисленныя данныя. Разумѣется, въ дѣйствительность этихъ фактовъ вѣрилъ и самъ попечитель, но установленіе ихъ нисколько не помогло-бы ему въ дѣлѣ революціонизированія высшей школы, въ интересахъ нѣмецкой политики. Содѣйствіе попечителя носитъ характеръ *не случайнаго* явленія, а цѣлой, строго придерживающейся имъ *системы*. Желаніе попечителя *продлить* возникшую забастовку, но безъ внѣшнихъ „эксцессовъ“, становится яснымъ сразу-же, при скольконибудь внимательномъ анализѣ его дѣятельности, какъ попечителя. Съ особенной же рельефностью оно выдѣляется въ средствахъ „подавленія“ волненія, вызваннаго увольненіемъ Іуды Козловскаго. Давъ спокойно пройти ей нѣсколько дней онъ рѣшилъ, наконецъ, съ ней „бороться“. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ *переговоры* съ коноводами забастовки. Сначала онъ пытался даже доказать, что студенты (забастовщики)

были не правы объявляя забастовку по поводу перевода проф. Тринклера, т. к. здѣсь было *не назначеніе* профессора, а переводъ его съ одной кафедры на другую. („Южн. Край“). Этимъ самымъ онъ собственноручно расписался въ „*правильности*“ тѣхъ забастовокъ, которыя объявляются въ случаяхъ *назначенія* профессоромъ. Порѣшивъ съ принципиальной стороны дѣла, онъ началъ разспрашивать о причинахъ забастовки и предложилъ имъ выбрать изъ своей среды „представителей“ для „переговоровъ“ съ нимъ, при чемъ всѣ ихъ „требованія“, если только возможно, онъ удовлетворить и обѣщалъ, что никто изъ принимавшихъ участіе въ этомъ волненіи не пострадаетъ.

Отъ выбора представителей отказались. На просьбу попечителя указать причину этого, студенты ни мало не стѣсняясь объяснили, что въ его предложеніи они усмотрѣли *провокацію* и требовали отъ него гарантіи въ томъ, что никто не пострадаетъ. Попечитель, разыгрывая роль разгнѣваннаго такимъ циничнымъ недовѣріемъ, давалъ „честное слово“, что списокъ представителей нуженъ для него лично и вообще всячески старался склонить ихъ къ своему предложенію. Но агитаторы продолжали требовать представленія болѣе „существенныхъ“ гарантій, безопасности для своихъ представителей. Конечно болѣе существенныхъ гарантій, какъ обѣщанія, онъ не могъ дать, и потому, потолковавъ на эту тему еще нѣкоторое время и убѣдившись, что ни чему иному придти не могутъ, дирижеры забастовокъ согласились „примириться“ только на обѣщаніи, и представители были выбраны. Но за то во все время переговоровъ попечитель держалъ себя „джентльменски“ и всѣ обѣщанія выполнилъ. Такъ, вмѣсто обѣщаній только „неприкосновенности“ коноводамъ-забастовщикамъ, онъ ихъ облюбовываетъ и выражаетъ свое восхищеніе корректностью студентовъ (забастовщиковъ) и ихъ умѣньемъ держать себя, что все это произвело на него самое „отрадное“ впечатлѣніе. И это говорилось по адресу тѣхъ лицъ, которыя называли его „провокаторомъ“, которые встрѣтили его, проректора и ректора, при украинской демонстраціи, свистомъ и крикомъ „шапку долой“, а съ послѣдняго даже и сбили ее.

„Курсовые представители, участвовавшіе въ переговорахъ съ попечителемъ, такъ передаютъ результаты совѣща-

нія: 1) Попечитель обѣщалъ сдѣлать все зависящее отъ него въ смыслѣ допущенія Іуды Колзовскаго къ держанію Государственныхъ экзаменовъ. 2) По отношенію къ арестованнымъ лицамъ, онъ сдѣлаетъ все, что только сможетъ, для смягченія ихъ участи. 3) Онъ отнесся отрицательно къ лицамъ, посѣщавшимъ лекціи въ періодъ забастовки. 4) Попечитель остался „восхищенъ“ ихъ поведеніемъ и тактомъ“.

Наряду съ открыто высказанными намѣреніями содѣйствовать возрожденію *запрещенныхъ* институтовъ, попечитель также открыто высказался (представителямъ студентовъ-академистовъ) противъ академической корпораціи, указывая, что милости „сверху“ не посыпятся на членовъ ея, что появленіе ея вызоветъ въ студенческой средѣ еще большіе раздоры и волненія, и что онъ *самъ* великолѣпно сможетъ бороться съ забастовкой. Съ какимъ успѣхомъ онъ боролся, мы это только что видѣли. Тѣмъ не менѣе забастовка была ликвидирована. Для этого потребовалось „всего лишь“—три недѣли съ хвостикомъ. Но даже при такой „энергіи“ попечителя забастовки ему не удалось-бы прекратить, если-бы на помощь ему не пришли забастовочные агитаторы, которые начали уже побаиваться за потерю учебнаго года, и забастовка потому быстро пошла на убыль.

II.

Современное положеніе дѣла въ университетѣ.

Все это произошло текущею весною... Каково же современное положеніе дѣлъ въ нашемъ университетѣ? Быть можетъ, главари забастовокъ, подъ вліяніемъ происходящихъ внѣшнихъ событій, измѣнили свою политику? Быть можетъ, они, какъ и всѣ русскіе граждане прониклись сознаниемъ своего долга—служенія русскому народу и русской родинѣ? Но насколько господа застрѣльщики студенческихъ забастовокъ объединились въ святомъ порывѣ, охватившемъ всю Россію, могутъ свидѣтельствовать факты, происходящіе за послѣднее время въ университетѣ.

Въ субботу 27 сентября, въ цивилистическомъ семинарѣ, подъ руководствомъ секретаря **Б. П. Никольскаго**, происходила запись кандидатовъ на ближайшія практическія занятія по гражданскому праву. Въ число кандидатовъ вошелъ

и студентъ Францъ **Саваніакъ**, который въ прошломъ академическомъ году подвергся бойкоту за посѣщеніе лекцій въ періодъ забастовки.

Первымъ обратилъ на это вниманіе студентъ Александръ **Писемскій**, выступившій съ заявленіемъ: „въ числѣ записанныхъ кандидатовъ находится Саваніакъ, который срывалъ въ прошломъ году забастовки“.

Въ правильности этого заявленія расписывается Иванъ Яковлевичъ **Борисовскій**: „Да, да, онъ черносотенецъ!“

Потомъ выступаетъ, съ довольно мотивированными объясненіями, староста 4-го курса (юр. факультета **Хинтибидзе**: „Борисъ Порфирьевичъ (секретарь цивилистическаго семинара). Въ виду того, что среди насъ находится лицо, *не облеченное „нашимъ“ довѣріемъ, которому въ прошломъ году былъ объявленъ бойкотъ за посѣщеніе лекцій во время забастовки, мы не находимъ возможнымъ работать вмѣстѣ, пока этотъ „нѣкто“ не извинится и не раскается въ своихъ поступкахъ“*“.

На это секретарь сем. **Никольскій** отвѣчаетъ: „Ваше право облекать, или не облекать довѣріемъ своихъ товарищей, но это не касается принципа свободной науки“.

Но еврей Ал. Мойшовичъ **Позументировъ** не соглашается съ нимъ и говоритъ: „мы *принципіально* не находимъ возможнымъ заниматься съ тѣми, которымъ былъ объявленъ бойкотъ“.

Никольскій указываетъ, что „такая *нетерпимость* исключаетъ возможность совмѣстной работы во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, напр., въ судѣ, Госуд. Думѣ и пр., гдѣ могутъ быть лица разныхъ взглядовъ и убѣжденій.“

Но это не смущаетъ **Позументирова**, брата того „знаменитаго“ Позументирова, который принималъ участіе въ избіеніи Арутюянца, и онъ съ апломбомъ заявляетъ: „Да, въ судѣ, въ одномъ и томъ же дѣлѣ, я выступать съ нимъ не буду“.

Никольскій, видя, что семинаръ превращается въ митинговое сборище напоминаетъ имъ, „что семинаръ существуетъ для научныхъ занятій, а не для мотивированныхъ выступленій! Прошу въ послѣдній разъ выслушать меня: *наука должна быть свободна и сектанской нетерпимости не должно быть мѣста*, и я предложилъ-бы взяться за свое дѣло!“

Но это предложеніе не нравится Іосифу Хаимовичу

Спектору: „намъ“, говоритъ онъ „не понятенъ вашъ официальный тонъ! Вы сами были недавно студентомъ, а вамъ такъ „чужды наши интересы!“

Никольскій оправдывается: „я и теперь чувствую, что связи со студенчествомъ не порваны, но мнѣ какъ тогда, такъ и теперь чужда была кружковая нетерпимость. Въ наше время свобода взглядовъ и мнѣній уважалась болѣе!“ Послѣ этого онъ предлагаетъ снять свои отказы.

Но **Позументировъ**, **Спекторъ**, **Хинтибидзе**, **Богдановъ**, **Яблоновскій** въ одинъ голосъ заявляютъ: „мы этого не можемъ сдѣлать“. Присутствующіе встаютъ со своихъ мѣстъ, разбиваются на отдѣльныя группы, обсуждая создавшееся положеніе. **Никольскій** обходилъ всѣ группы и снова увѣщевалъ приступить къ записямъ, но не имѣлъ успѣха.

Михаиль Богдановъ, обращаясь къ секретарю, заявляетъ: „Мы удивляемся, какъ скоро вы отряхли „все студенческое“ отъ своихъ ногъ и вамъ такъ чужды и непонятны „наши интересы“.

Никольскій опять дѣлаетъ попытки къ примиренію: „да бросьте! это ваше личное, „семейное“ дѣло, а вы его сюда вносите!“

Но **Мих. Влад. Богдановъ**, всюду снующей со своими политическими идеалами, заговорилъ довольно *опредѣленнымъ* языкомъ, сразу выясняющимъ въ чемъ тутъ дѣло: „*Нѣтъ! Это не семейное дѣло, а чисто политическое!! (?) Студенчество должно быть дисциплинировано, и выступающій противъ насъ не долженъ быть вмѣстѣ съ нами! Студенчество всегда являлось авангардомъ въ политическихъ выступленіяхъ, и поэтому оно не можетъ терпѣть въ своей средѣ такихъ, какъ Саваніакъ!*“

На это **Никольскій**, совершенно справедливо отвѣчаетъ, что „студенты не обязаны быть политиками, и не всѣ должны быть лѣвыми! Они могутъ и безразлично относиться къ политикѣ и могутъ быть *правыми*“.

Но **Борись Яблоновскій** возмутительно нахальнымъ тономъ заявляетъ (**Никольскому**): „Да вы не понимаете въ чемъ дѣло! Мы „просто“ не хотимъ, чтобы онъ былъ въ нашей средѣ“.

Никольскій поясняетъ „многопонимающему“ **Яблоновскому**, что это не какая-нибудь опредѣленная „среда“, а университетъ, и что **Саваніакъ** имѣетъ право на посѣщеніе уни-

верситета и семинара такое-же, какъ и всякій другой студентъ.

Въ это время въ семинаръ заходитъ оставленный при университетѣ N.N. и, узнавъ въ чемъ дѣло, говоритъ *Яблоновскому*: „Да вѣдь вы сами „штрейкбрехерствовали“.“

Захваченный врасплохъ *Яблоновскій* неостроумно отбивается: „я не понимаю (при всей своей „талантливости“) вашего заявленія! Раньше я васъ уважалъ, а теперь не могу съ вами продолжать знакомства“, а затѣмъ обращается къ секретарю: „Вѣдь проф. *Гордонъ* разозлится, если узнаетъ объ этомъ! Вы не доложите ему о происходившемъ?“

Никольскій, не желая быть игрушкой въ ихъ рукахъ, прямо заявляетъ: „Я, какъ секретарь, обязанъ обо всемъ доложить профессору! Вы, какъ хотите, занимайтесь или нѣтъ, а практическія занятія должны состояться. Проф. же *Гордону* безусловно будетъ непріятно, когда онъ объ этомъ узнаетъ“.

Яблоновскій вида, что онъ можетъ пострадать за свои выступленія, дѣлаетъ послѣднюю попытку выгородить себя: „Пожалуйста отмѣйте“, обращается онъ къ секретарю семинара „что я свою кандидатуру снимаю *безъ мотивировки*!“

Оставленный при университетѣ N. N. сразу его разочаровываетъ: „Мотивъ ясенъ! Вы вѣдь сняли свою кандидатуру демонстративно“.

Не придя ни къ какому соглашенію и бесплодно потолковавъ около двухъ часовъ, секретарь рѣшилъ закрыть семинаръ, и студенты, порѣшивъ въ ближайшій понедѣльникъ собраться въ университетѣ для обсужденія сложившагося положенія дѣла, начали расходиться.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, евреи—*Іосифъ Спекторъ* и *Александръ Позументировъ*—не явились къ условленному сроку для обсужденія субботняго „инцидента“. На курсовой сходкѣ, разсматривавшей этотъ вопросъ, председательствовалъ староста 4-го курса (юр. ф.) *Хинтибидзе*.

Передавъ вкратцѣ суть происходившаго въ прошлую субботу, онъ поставилъ на баллотировку такой вопросъ: „находитъ-ли студенчество возможнымъ совмѣстно заниматься съ подобными личностями (какъ *Саваніакъ*) и если нѣтъ, то какъ угодно будетъ ему разрѣшить создавшееся положеніе?“

Вслѣдъ за его словами послышались съ разныхъ кон-

цовъ аудиторіи: „невозможно, невозможно“. Засимъ „обвиняемый“ колега (Саваніакъ) просить предоставить ему слово для личныхъ объясненій. Предсѣдатель разрѣшаетъ, и онъ начинаетъ читать заготовленную маленькую „декларацію“. Но лишь только онъ доходитъ до того мѣста своей записки, гдѣ осуждаются студенческія забастовки, какъ Аркад. Эльевич. **Бруштейнъ** нахально его прерываетъ: „Довольно! Прекратите это нравоученіе“, послѣ чего раздаются неистовые крики и требованія, въ самой ожесточенной формѣ, *прекратить* это чтеніе... Напрасно были старанія „обвиняемаго“ отстоять принадлежащее ему право высказаться до конца. Никакіе доводы не принимаются въ расчетъ. Наконецъ, „находчивый“ предсѣдатель, *Хинтибидзе* разъясняетъ „непонятливому“ Саваніаку, что онъ говоритъ „не по существу“. Все безповоротно предрѣшилось... Грубой физической силѣ суждено было восторжествовать въ этомъ храмѣ, благодаря грубымъ насильникамъ!..

Полагая, что читателю не безынтересно знать содержаніе его „объясненія“, мы приводимъ его полностью:

Въ прошлую субботу нѣсколько однокурсниковъ пытались подвергнуть меня остракизму изъ цивилистическаго семинара за то, что вашъ покорнѣйшій слуга въ прошломъ году, во время забастовки, оказался въ ихъ глазахъ „неблагонадежнымъ“ и имѣлъ „дерзость“ посѣщать лекціи.

На правѣ „подсудимаго“ я желалъ бы использовать право высказаться!

Многимъ, навѣрно, покажется ужаснымъ, какъ смѣлъ я не уважать основъ катехизиса красныхъ и этимъ не признавать забастовки. Господа, tempora mutantur et nos mutamur in illis! Быть можетъ, я когда то больше васъ горѣлъ идеалами революціонныхъ выступленій, и въ то время, когда вы мирно сидѣли за гимназическими партами V—VI класса, я расплачивался за эти увлеченія тюремнымъ заключеніемъ. Въ рѣшетчатыхъ „академіяхъ“ я познакомился, какъ съ казовой, такъ и обратной стороной революціи, и пришелъ къ заключенію, что все это vanitas vanitatum.

Въ виду этого я имѣлъ полное нравственное право критически отнестись къ непогрѣшимости красныхъ идей. Да, притомъ, чувствуя въ себѣ силы для порыва впередъ, не могъ же я топтаться на одномъ мѣстѣ, старовѣрствовать и отстаивать заскорузлыя идеи обскурантизма лѣвыхъ.

Вы спросите, на какомъ основаніи я пошелъ противъ теченія своихъ однокурсниковъ и выступилъ противъ забастовки? Я всегда былъ такого мнѣнія, что *по теченію плывутъ лишь соломинки и легковѣсныя щепки*. Себя же я не считаю настолько обезличеннымъ, чтобы

отказаться отъ собственнаго „я“, отъ собственныхъ идей и взглядовъ, чтобы за чечевичную похлебку рукоплесканій присутствующихъ, превратить себя въ человѣка „чего изволите“. Господа, лишь толпа стремится обезличить человѣка, ибо она требуетъ отъ него слѣпой вѣры и слѣпонаго преклоненія передъ непогрѣшимостью догмъ и программъ. *Но я хочу быть интеллектуально свободнымъ отъ подобныхъ замораживаній духа*, и могу сказать, что *передъ политическимъ фетишемъ изъ краснаго кумача преклонять колѣнъ не стану*. Credo и воля революціонныхъ „авторитетовъ“—мнѣ не указъ. Наконецъ, позвольте нѣсколько словъ pro domo sua. Мнѣ дѣлають замѣчаніе, что на оппозиціи къ вамъ строю свою карьеру. Могу васъ разочаровать. Мои симпатіи на сторонѣ *свободныхъ* профессій, и казенный мундиръ чиновника меня не прельщаетъ. Наоборотъ, мои оппозиціонеры кривяť душою: напр. *Аблоновскій*, когда ему это выгодно было, срывалъ забастовки и по сѣщаль лекціи; второй фактъ—*Цисемскій* въ прошломъ году, когда надо было ему получить зачеты, нарушалъ забастовку, а потомъ слезами замаливалъ Юпитеровъ гнѣвъ библейскихъ судій факультета.

По моему, таковыя пути достиженія цѣли *недостойны* порядочнаго человѣка.

На ваше замѣчаніе, что я долженъ подчиняться силѣ, скажу: да я согласенъ, но лишь силѣ, не опирающейся на одинъ лишь кукишъ въ карманѣ.

Я протестую противъ деспотіи педократіи, принципы которой нѣкоторые изъ однокурсниковъ позавчера пытались провести въ цивилистическомъ семинарѣ.

Чѣмъ-же могло не понравиться имъ такое объясненіе? *Что* имъ было не угодно? Отвѣтъ единственный:

Въ немъ *профанированъ ихъ священный, красный кумиръ!* Саваніакъ, возмущенный до глубины души такимъ безцеремоннымъ и возмутительнымъ насиліемъ, грозитъ своимъ противникамъ—отплатить имъ той же мѣрой, т. е. производить шумъ и тѣмъ физически не дать имъ возможности продолжать свои объясненія!

Лишь только онъ сѣлъ на парту и пренія возобновились, какъ онъ, въ сознаніи своего полного безсилія, забилъ о парту ногами и руками, пытаясь тѣмъ, насколько возможно, помѣшать своимъ врагамъ совѣщаться.

И дѣйствительно, будучи до крайности ожесточенъ, онъ производилъ такой сильный шумъ, что ничего нельзя было разобрать. На предложеніе одного студента подойти ближе къ кафедрѣ, всѣ столпились вокругъ нея, а председатель сходки *Хинтибидзе* (не находя возможнымъ объявить „ультимативную“ забастовку) предложилъ слѣдующую резолюцію: „занимаясь вмѣстѣ съ ними и на лекціяхъ и въ семинарѣ, но не всту-

пая съ ними ни въ какія пренія, **объявить имъ бойкотъ и давать чувствовать, какъ на лекціяхъ, такъ и въ семинарь, кто они таковы**". Эта резолюція, не подвергаясь никакому обсужденію, была принята со слабыми рукоплесканіями. На предложенный вопросъ председателя: „кто не находитъ возможнымъ заниматься со штрейкбрехерами“, руку подымаетъ одинъ только Мих. Вл. Богдановъ.

Вслѣдъ за этимъ студ. Алекс. Захаровъ съ лакейской угодливостью выступаетъ на кафедрѣ и оглашаетъ фамиліи лицъ, которыя должны быть бойкотируемы за прошлогоднее посѣщеніе лекцій во время забастовки...

„Давать имъ чувствовать, кто они такіе“, вотъ что ихъ занимаетъ въ настоящее время! Какъ и въ какой формѣ они будутъ „давать“ мы можемъ уже догадаться по имѣющемуся у насъ характернѣйшему прецеденту—Арутюянца, по отношенію къ которому „сознательные“ товарищи примѣняли даже рукоприкладство. Теперь появляются тѣ же „цвѣточки“, сулящіе намъ тѣ же „ягодки“. Инцидентъ съ Бѣлымъ (о немъ ниже) даетъ намъ и самыя „ягодки“.

На медицинскомъ факультетѣ происходила таже картина реставраціи прошлогодняго бойкота студентовъ „штрейкбрехеровъ“. Дѣло доходило даже до того, что имъ не давали исполнять практическихъ работъ, не принимали ихъ ни въ одну группу. И противъ этого не принималось никакихъ мѣръ, ни профф. медицинского факультета, ни администраціей университета!

Относительно физик.-матем. ф-та, можно прямо сказать, что онъ сдѣлался притономъ революціонной банды. Тамъ свободно распространяются прокламаціи съ призывомъ протеста *противъ войны*. Въ любое время можно найти въ зоологическомъ корпусѣ спокойно висящее на стѣнкѣ воззваніе подобнаго рода. Одно изъ нихъ, напр., помѣчено „партія соціалистів-революціонерів“, съ печатью „харьковская организація партіи соц.-рев.“ и обращено „до українського селянства“. Вотъ о чемъ печалуются русскіе мазепинцы: „Жалю, великого жалю й горя зазнало селянство за останній час: бо це ж його брати, сини, батьки незлічимо гинуть під кулями і сами стріляють—кого же? німецького селянина, австрійського селянина—українця, що с вашим братом-трудовиком... Схоманіться-ж!“ Заканчивается она такъ: „Геть самовладність! Хай живе республіка! Хай живе Вільна Україна!“

Нѣтъ, мазепинцы, слишкомъ ярко вы обнаружили свой „австро-германскій“ стиль, чтобы подобныя воззванія пользовались у русскихъ людей какимъ-либо вниманіемъ!!

Гдѣ-же университетское начальство? Чѣмъ оно занято?

Какъ извѣстно, на выборы курсовыхъ старостъ администраціей не обращается никакого вниманія, хотя ей отлично извѣстно, что при избраніи ихъ требуется политическое „*credo*“, революціоннаго характера. Особенное вниманіе слѣдовало-бы обратить на выборы старосты 1-го курса, дабы оградить его отъ развращающаго вліянія политическихъ агитаторовъ, изъ типа „вѣчныхъ“ студентовъ (Ткачевъ, Богдановъ). Но университетская администрація и здѣсь оставалась равнодушной и студенты (политиканы) старшихъ курсовъ являлись на выборы старосты 1-го курса, дабы оказать свое „либеральное“ вліяніе.

Такъ, въ четвергъ, 9-го октября, послѣ лекціи проф. Фатѣва, въ верхней аудиторіи юридическаго корпуса состоялась сходка студентовъ юристовъ 1-го курса для выбора курсового старосты. Предъ его открытіемъ на кафедре вскакиваетъ студ.-юр., 3-го кур., Авраамъ Мойшевичъ **Межиричеръ** и провозглашаетъ себя предсѣдателемъ этой сходки. Такая циничная беззапѣчливость встрѣчаетъ энергичный отпоръ со стороны студ. 1-го кур. Нахальство *Межиричера* хорошо извѣстно всѣмъ харьковскимъ студентамъ, которымъ приходилось имѣть съ нимъ не разъ „бурныя“ объясненія, готовые перейти въ любую минуту въ открытую схватку. (Какъ на примѣръ въ прошломъ академическомъ году по поводу самовольнаго завладѣнія экзаменаціонными списками).

И хотя Абраша не привыкъ слушаться рѣшительно ни при какихъ обстоятельствахъ, на сей разъ долженъ былъ уступить волѣ разгнѣванныхъ товарищей.

Тогда на кафедрѣ появляется его ставленникъ **Ткачевъ**. Отрекомендовавшись „старымъ“ студентомъ и ссылаясь на свой *одиннадцатилѣтній* революціонный опытъ, онъ проситъ курсъ положиться на его добропорядочность, оговорившись, что онъ готовъ уступить свое мѣсто другому, если курсъ не облечетъ его довѣріемъ.

Однако, упоминаніе о его долготѣнемъ опытѣ, а также тактика его „собрата“ Межиричера обезпечила ему успѣхъ. Приступили къ выборамъ старосты. Но такъ какъ въ боль-

шинствѣ молодые коллеги еще не имѣли никакихъ представлений о цѣляхъ и задачахъ *института старостъ*, то старые и испытанные студенты-политиканы пришли къ нимъ на помощь и обрисовали значеніе этого института такимъ образомъ: старосты, какъ выразители воли всего студенчества, *должны служить не столько академическимъ цѣлямъ, какъ политическимъ*. Было упомянуто и о томъ, что *студенчество всегда стояло во главѣ политическаго „освободительнаго движенія, а потому оно не должно измѣнять своимъ исконнымъ традиціямъ и должно оставаться на прежнемъ посту (?)*! Въ это время кто-то доложилъ, что съ разрѣшенія ректора и губернатора студентами устраивается студенческая сочувственная манифестация по поводу призыва студентовъ въ армію.

Первое слово по этому поводу держитъ студентъ *Ткачевъ* приблизительно въ такомъ духѣ: „я, какъ представитель курса, предлагаю товарищамъ **не участвовать** въ этихъ манифестаціяхъ; студенты другихъ университетовъ проявили себя наивными мальчиками, участвуя въ нихъ“. Но лишь это онъ сказалъ, какъ послышался свистъ, крикъ и возгласы самаго яростнаго протеста. Начались рѣчи. „Политиканы“ доказывали, что война *эта затѣяна правительствомъ и что „мы не должны ее поддерживать“*. Молодежь и неиспорченные души не хотѣли и слушать ихъ и каждый, не обладая даже краснорѣчіемъ, простодушно старался доказать старымъ коллегамъ, что они не правы! „Защищать свою родину—это священный долгъ каждого гражданина“,—доказывали они.

Вскорѣ всѣ присутствующіе повалили внизъ и присоединились къ громадной толпѣ студентовъ-манифестантовъ. Съ восторгомъ и радостью с-тво встрѣтило царскій призывъ! „Нашъ вѣнценосный Вождь почувалъ сердцемъ, что въ жизни нашего студенчества прошла свѣтлая полоса умственнаго и нравственнаго пробужденія, что въ дни тяжелаго, но побѣдоноснаго подвига нашихъ воиновъ русская земля скрѣпилась въ одно твердое тѣло и что **ея прекраснѣйшій цвѣтникъ, который злые люди уже много лѣтъ стараются совсѣмъ оторвать отъ родной почвы, теперь крѣпко вросаетъ въ русскую землю и устремляетъ свои молодые очи къ ея красному солнышку**“.

Понялъ это нашъ Царь, и поняли его наши студенты. Въдѣ раненыхъ воиновъ, которыхъ они носили на рукахъ,

ихъ исполненныя вѣрою письма къ роднымъ, писавшіяся подъ ихъ диктовку студентами, и всѣ вообще событія послѣднихъ мѣсяцевъ слили въ одно цѣлое съ народомъ наше юношество, т. е. самую чуткую, самую искреннюю часть нашего общества, такъ далеко было оторвавшася отъ своего народа". („Рѣчь Антонія" см. „Х. В." за 10 окт.). Но это просвѣтлѣніе не угодно было евреямъ и другимъ исконнымъ врагамъ Россіи. Они видѣли, что студенчество выходитъ изъ состоянія инертности и ускользаетъ изъ подъ ихъ власти и они дѣлаютъ невѣроятныя усилія, для того, чтобы сохранить надъ ними свое прежнее вліяніе. Они подстрекаютъ студенчество „реагировать" на якобы несоотвѣтствующую ихъ достоинству патріотическую манифестацію! Но всѣ эти попытки по всему фронту встрѣтили достойный отпоръ со стороны благомыслящаго русскаго студенчества.

*„Военная гроза очистила и освѣжила душевную нашу атмосферу, дала невиданный еще порывъ братолюбія и могучій толчекъ нашему **народному самосознанію!**"*

11-го октября, около 12 часовъ дня, въ перерывѣ лекцій проф. Киселева, всходитъ на кафедру **студ. Захаровъ** и дѣлаетъ слѣдующее заявленіе отъ имени представителей 3-го и 4-го курса: *„Въ верхней аудиторіи юридическаго корпуса сейчасъ предлагается сходка, на которую и просятъ пожаловать присутствующихъ товарищей!"* На это прежде всего было указано, что лекція проф. Киселева еще не кончена и что лучше всего это сдѣлать по окончаніи ея. Но въ это время съ верхней аудиторіи заходятъ въ нижнюю желающіе „порагировать" на событія послѣднихъ дней. Вскорѣ аудиторія была переполнена. За недостаткомъ мѣстъ многіе стояли на партахъ и окнахъ.

Захаровъ беретъ на себя трудъ доложить о предметѣ настоящей сходки. А именно: *студенчество обязано выразить свое отношеніе къ студенческой патріотической манифестаціи, происходившей 9 октября.* Его слова были встрѣчены крикомъ, свистомъ и шикомъ. Слышались возгласы: „оно понятно", „не время", „теперь долженъ каждый быть патріотомъ", „долгой его" и т. д. Страсти разгорѣлись и ничего нельзя было разобрать. Такъ продолжалось минутъ 15—20, покуда наконецъ появился проректоръ **Н. И. Паліенко** и его помощникъ Черкавскій. Появленіе проректора было встрѣ-

чено громкими аплодисментами, такъ какъ каждый надѣялся на то, что онъ, какъ административное лицо университета, воспользуется своимъ правомъ, вѣрнѣе, собственно, обязанностью и прекратитъ неумѣстные раздоры, закрывъ незаконное сборище. Смущенный аплодисментами, проректоръ, принявъ ихъ за сочувственную овацію со стороны красныхъ лидеров, поспѣшилъ засвидѣтельствовать свою глубокую благодарность.

Спросивъ, по какому поводу собралась настоящая сходка, онъ обратился съ почувствованною рѣчью.

Отвѣтныя слова держалъ бывший староста 3-го курса— **Богдановъ**: „Многоуважаемый Николай Ивановичъ“, говорить онъ, *„не для раздоровъ сюда мы собрались, а для выработки той формы, въ которую долженъ выливаться патріотизмъ студенчества“*. Послѣ этихъ словъ проректоръ какъ будто облегченно вздохнулъ и переспросилъ: „Ну такъ это совсѣмъ другое (?) дѣло, значить между вами нѣтъ раздоровъ?“ Послышались отвѣты: „да, есть“ и болѣе слабые: „Нѣтъ, нѣтъ“. Потерпѣвъ неудачу съ этимъ вопросомъ, онъ предлагаетъ другой: „Ну, а общаете мнѣ, что ваша резолюція будетъ безъ рѣзкихъ выраженій, и не будетъ заключать ничего противъ правительства?“ На этотъ вопросъ былъ отвѣтъ одинъ: *„Это мы не можемъ обѣщать, это неизвѣстно“*. Проректоръ слабо укоряетъ за это своихъ питомцевъ: „Ну, вотъ видите, господа! Тогда я не могу разрѣшить сходки“. Но затѣмъ, не желая ихъ сильно обезкураживать, заявляетъ: *„Я долженъ посоветоваться съ ректоромъ по вопросу о разрѣшеніи сходки, а вы сей часъ выберите изъ своей среды представителей для участія въ этихъ переговорахъ“*. Были выбраны для этой цѣли курсовые представители. Проректоръ, самъ указывавшій на большое скопленіе студентовъ, благодаря чему, какъ онъ объяснилъ, проф. Киселевъ не могъ (?) пройти въ аудиторію (удивительно какъ это онъ съ „помощникомъ“ Черкавскимъ пролѣзъ, хотя про нихъ нельзя сказать, чтобы они были худѣ Киселева) и потому знавшій о томъ, что сейчасъ долженъ былъ читать профессоръ, затѣялъ съ подпольными агитаторами дружескую бесѣду, продолжавшуюся такъ долго, что лекція проф. Киселева вслѣдствіи *этого* (!) не могла закончиться. Спустя минутъ 15 студенты группами подходили къ проректору и спрашивали о результатахъ совѣщанія. На всѣ разспросы онъ какимъ то сочувственнымъ голосомъ, какъ бы

съ тономъ сожалѣнія, отвѣчалъ: „Я по *формальнымъ* соображеніямъ не могу допустить сходки. *Но посовѣщаться между собою можно*“. Послѣ этого одинъ изъ „находчивыхъ“ спрашиваетъ проректора: „А можно для этихъ совѣщаній занять аудиторію?“ Послѣдовало милостивое *согласіе*. Въ это время одинъ студентъ провозглашаетъ въ присутствіи проректора результаты совѣщанія: „Господа, *сходки проректоръ по формальнымъ соображеніямъ не можетъ разрѣшить, но противъ собесѣдованій онъ ничего не имѣетъ*. Пожалуйте въ верхнюю аудиторію юридическаго корпуса, гдѣ и откроемъ свои совѣщанія“. Послѣ этого всѣ повалили наверхъ. Собралось около 500 человекъ. На кафедре взошелъ студ. Богдановъ и предложилъ выбрать председателя этой *сходки*, но кто-то, строго помнящій завѣты Паліенки, его поправилъ: „Не *сходки*, а *собранія*“. Оговорка принимается. *Предсѣдателемъ „собранія“ былъ выбранъ Богдановъ*, по предложенію котораго приступили къ выработкѣ программы дня. Большинствомъ былъ признанъ желательнымъ такой порядокъ: освѣтить обстоятельства, вызвавшія манифестацію и какъ она протекала—*выяснить отношеніе къ ней студенчества*. Затѣмъ приступили къ слушанію отдѣльных ораторовъ. Первымъ говорилъ студентъ еврей *Брустинъ*. Онъ вспоминалъ студенческія традиции, заключающіяся въ осуществленіи девиза: „равенство, свобода и братство“ и о студенческомъ знамени съ красующейся на немъ такой же надписью. Онъ раздѣлилъ русскій патріотизмъ на „народный“ и „казенный“. Патріотизмъ „народный“, по его словамъ, заключается въ служеніи народу и облегченіи его страданій. Отъ опредѣленія патріотизма „казеннаго“ онъ отказался, отдѣлавшись общимъ замѣчаніемъ, что онъ всѣмъ хорошо извѣстенъ. Закончилъ свою рѣчь привѣтствіемъ „народнаго“ патріотизма и указаніемъ на то, что студенчество „изъ-за какихъ то обстоятельствъ“ не должно отказываться отъ своихъ старыхъ традицій.

За нимъ говорилъ студ. *Колышкинъ*, по мнѣнію котораго въ настоящій моментъ, когда рѣшается честь, достоинство и цѣлость Россіи, *никакимъ рознѣмъ не должно быть мѣста. Всѣ считающіе себя истинными гражданами Россіи, должны объединиться въ одномъ общемъ порывѣ, позабывъ всякіе счеты*. Указывалъ на примѣръ германскихъ соціаль-демократовъ, ко-

торые также пришли къ сознанію необходимости воевать. Переходя дальше къ *муссированію и искаженію фактовъ* инициаторами настоящаго протеста, онъ былъ заглушенъ дикими криками собравшейся инородческой компаніи и затѣмъ формально лишенъ слова председателемъ за рѣзкія выраженія по адресу нѣкоторыхъ товарищей, чего онъ (предсѣдатель), по его словамъ, „сохраняя достоинство собранія“, не можетъ допустить.

Слово получаетъ еврей *Позу . . . . . ровъ*, который, не встрѣчая сдержки со стороны предсѣдателя, обрушивается такими словами по адресу русскаго студенчества и правительства, отъ слушанія которыхъ русскій человѣкъ не могъ не испытать чувства величайшей гадливости и глубочайшаго презрѣнія. Позу . . . . . ровъ находитъ, что его соплеменникъ Брустинъ недостаточно ясно отѣнилъ самое главное, а именно—*студенческое отношеніе къ патріотической манифестаціи*, поэтому онъ беретъ на себя этотъ трудъ. Архіепископъ Антоній, находитъ онъ, выставилъ студентовъ въ положеніи блудныхъ сыновъ, которые, послѣ долгихъ лѣтъ скитаній, явились съ покаянной къ своему родному отцу вице-губернатору Масальскому. Но что совершилось за это время, что могло бы заставить насъ отказаться отъ своихъ исконныхъ традицій, развѣ то, что разгромлена *русская мысль*? *Студенчество всегда ставило своимъ девизомъ—борьбу съ правительствомъ*, а теперь слилось вмѣстѣ съ нимъ. Отъ союза съ администраціей ничего хорошаго не можетъ получиться. *Патріотическая манифестація безусловно позорна* для студенчества. Неистовые аплодисменты со стороны опредѣленной группы лицъ были наградой ему.

Вотъ кто болѣетъ за *русскіе* идеалы, кто тужитъ о „разгромѣ“ русской мысли и проч. Этотъ Ал. Мовшовичъ *Позу . . . . . ровъ*!

Далѣе говорилъ ветеранъ *Ткачевъ*. На манифестацію онъ смотритъ, какъ на форму выраженія нашего настроенія. Но она должна быть такой, чтобы правильно отражала это настроеніе. Именно въ данномъ случаѣ насъ неправильно поняли: „мы избрали не подходящее средство. Насъ всѣ цѣлуютъ“, говоритъ онъ, „и попечитель, и губернаторъ, и архіепископъ Антоній, и казака „какого“ то подбрасываютъ“. Студ. Пясковскій съ мѣста кричитъ: „не какого то, а раненаго

героя". Въ заключеніе ораторъ Ткачевъ клеймитъ позоромъ участвовавшихъ въ патріотической манифестаціи.

Кушталовъ находитъ, что форма выраженія нашего настроенія выбрана была правильно, ибо другой не можетъ быть совершенно. Участіе въ манифестаціи безусловно не позорно, такъ какъ участвующіе принимали въ ней участіе совершенно добровольно. Ихъ никто не принуждалъ и никто не нанималъ.

Особеннаго вниманія и презрѣнія заслуживаетъ рѣчь, я бы сказалъ бредъ, За..чаго: „Русское благородное студенчество, говоритъ онъ, никогда не шло съ правительствомъ и защищало интересы только народа. Мы можемъ признать только народный патріотизмъ, выражающійся въ служеніи народу и облегченіи его страданій. Но отчего страдаетъ русскій народъ? Отъ войны! А мы ей помогаемъ! Мы не соблюдаемъ старыхъ традицій, идя съ правительствомъ, и **портретъ** ..... я ..... а, который всегда былъ ненавистенъ русскому студенчеству...

На этомъ мѣстѣ сильно негодующіе крики прервали зазнавашагося наглеца. Послышались возгласы: „Долой его, мерзавецъ“ и проч. Студ. *Бѣлый* съ мѣста кричитъ: „Долой, вонъ нѣмецкаго агента“, а затѣмъ обращается къ предсѣдателю: „Что это такое? почему вы не останавливаете оратора, позволившаго себѣ дерзостно оскорбить ..... шую .... у, или вамъ это пріятно, нравится?“ Предсѣдатель *Богдановъ* объясняетъ, что ораторъ имѣлъ въ виду не опредѣленнаго монарха, а идею монархизма. Такая поправка едва ли могла удовлетворить русскаго человѣка, но за то она показала, кто такой Богдановъ, являющійся, какъ онъ выразился, олицетвореніемъ даннаго собранія, а я бы поправилъ,—лицъ, его избравшихъ.

Израиль-Яковъ Лейзеръ Иделевичъ Линецкій, видя „развращающее вліяніе Бѣлаго на присутствующихъ, вноситъ на баллотировку вопросъ объ удаленіи изъ „собранія“ того, кто прерываетъ оратора (явно направляя это предложеніе противъ Бѣлаго). Бѣлый добавляетъ: „и евреевъ, которые только разжигаютъ страсти“. Предсѣдатель ставитъ вопросъ на баллотировку только въ редакціи Линецкаго, а на добавленіе Бѣлаго не обращаетъ вниманія, но, затѣмъ, сознавая всю неисполнимость рѣшенія объ удаленіи, предлагаетъ остракизмъ замѣнить „глубокимъ презрѣніемъ“. За проявленное „снисхож-

деніе Бѣлый выражаетъ свою „благодарность“. Послѣ этого инцидента, Бѣлый становится предметомъ особаго вниманія со стороны опричниковъ краснаго лагеря. И дѣйствительно, скоро была обнаружена его „преступная и провокаціонная“ дѣятельность, остававшаяся до сихъ поръ незамѣченной. Онъ что-то писалъ. Отсюда презумпція—онъ составлялъ полиціи списокъ ораторовъ. Это ли не прозорливость? Честь въ такой наблюдательности и такого умозаключенія принадлежитъ **Ив. Як. Борисовскому**. Онъ первымъ явился на кафедру и шепнулъ что-то „на ушко“ предсѣдателю, который незамедлительно довести до свѣдѣнія „собранія“ о присутствіи одного „лица“, которое ведетъ списокъ фамилій ораторовъ и содержаніе ихъ рѣчей. Затѣмъ предсѣдатель проситъ Ив. Як. Борисовскаго назвать фамилію этого „лица“, и тотъ указываетъ на Бѣлаго. Предсѣдатель далѣе предлагаетъ собранію потребовать отъ него огласить эти записки и возвратить ихъ. Послышались возгласы: „требуемъ, требуемъ“. Бѣлый объясняетъ, что записывалъ онъ для себя. Замѣтки касаются личныхъ впечатлѣній и характернѣйшихъ выраженій отдѣльныхъ ораторовъ. Оглашать ихъ онъ не считаетъ обязаннымъ и лишнимъ такъ какъ все то, что здѣсь говорилось, каждый могъ слышать. Тогда раздались голоса: „отнять силой“ и одинъ человекъ, восточнаго типа, сдѣлалъ уже въ этомъ направленіи попытки, схвативъ его за руки. За нимъ посунулись и др... Богдановъ началъ увѣщать оставить насиліе и примѣнить болѣе культурное средство, а именно „объявить полное презрѣніе“. Предложеніе было принято, и натискъ былъ на время отраженъ. Въ это время на кафедру всходитъ студ. **Георгій Крекшинъ** (студ. юр. 1-го к.) и говоритъ: „господа, я думалъ что мы находимся въ обществѣ исключительно порядочныхъ людей, а оказывается, что я ошибался. Между нами находится негодяй Бѣлый, съ которымъ нечего стѣсняться и къ которому слѣдуетъ примѣнить самыя репрессивныя мѣры“. Послѣ этого Бѣлый встаетъ со своего мѣста, чтобы уйти изъ аудиторіи черезъ цивилистическій семинаръ, но въ проходѣ на него нападаютъ нѣсколько человекъ, схватываютъ его за руки и пытаются отнять тетрадь. Вскорѣ его бросили на полъ, начали бить кулаками и ногами и царапать ногтями. Поднялся сильный шумъ, на который вскорѣ явился *проректоръ*. Первымъ долгомъ и онъ набросился на Бѣлаго съ во-

просомъ, „что вы тутъ дѣлаете?“ Онъ отвѣтилъ „меня бьютъ“. Затѣмъ господа избиватели сообщаютъ проректору, что Бѣлый составлялъ списки ораторовъ и замѣчаетъ ихъ рѣчи, послѣ чего Палиенко опять обрушивается на Бѣлаго съ крикомъ „*зачѣмъ вы это дѣлаете?*“ Бѣлый предоставляетъ ему списки, чтобы убѣдиться въ ихъ характерѣ, но тотъ отказывается „*мнѣ это не интересно*“. Тогда Бѣлый, указывая на студента (*Крекишина*), оскорбившаго его съ кафедръ, проситъ запомнить его лицо и узнать фамилію. На это проректоръ отвѣчаетъ: „*меня это не интересуетъ!*“ Его не интересовали также и тѣ студенты, которые принимали участіе въ избіеніи и которыхъ онъ отстранялъ собственной рукой! Не видя смысла въ дальнѣйшемъ своемъ присутствіи, а также будучи сильно потрясенъ, Бѣлый покинулъ сходку, т. е., по модному—„собраніе“.

Послѣ его ухода кто-то всходитъ на кафедру и говорить: „Г.г., въ виду того, что фамиліи ораторовъ переписаны и они будутъ извѣстны полиціи, то выступающіе въ оппозиціонномъ духѣ пусть будутъ сегодня готовы къ обыску“. Настроеніе замѣтно пало. Публика начала быстро расходиться. Черезъ нѣсколько минутъ въ аудиторіи остались почти одни „демонстранты“. Пользуясь подходящимъ моментомъ непризнанные делегаты рѣшили провести *резолюцію, порицающую студ. патріотическія манифестаціи*. Въ ней былъ проведенъ отрицательный взглядъ на настоящую войну и выражено было порицаніе и презрѣніе лицамъ, участвовавшимъ въ манифестаціяхъ 9 октября.

Когда же проректоръ потребовалъ отъ предсѣдателя сходки текстъ вынесенной резолюціи, то она была замѣнена другой, въ умѣренномъ духѣ. Въ ней первоначальное отрицательное отношеніе къ войнѣ замѣнено положительнымъ и даже *патріотич. манифестаціи приветствуются „съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія“*, но выражается протестъ противъ эксцессовъ (о котор. и рѣчи не было) этой манифестаціи. Но даже противъ этой резолюціи с—ство теперь протестуетъ и агитируетъ въ пользу составленія новой, сочувственной революціи. Каждый выражаетъ возмущеніе противъ нея. Здѣсь слѣдуетъ указать кромѣ прекрасной сплоченности революціонной шайки, нахально дѣйствующей, еще вліяніе „своихъ“ *счетчиковъ*, которые даже не останавливались

передъ „подтасовкой“ голосовъ. Но это, даже съ ихъ точки знѣнія, является еще „невиннымъ“ приемомъ!

На физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ революціонная развращенность достигла своей кульминаціи, по адресу 20 студентовъ, сочувствовавшихъ милиціи, со стороны „освободительныхъ“ рыцарей, примѣнялись угрозы **вывести ихъ силой**, если только они будутъ мѣшать обсужденію и принятію резолюціи, осуждающей патріотическую манифестацію. Возмущенные такой безцеремонностью, они заявили, что *никакихъ угрозъ они не боятся* и готовы постоять за себя до конца, а *грубую физическую силу, они отразятъ той же силой!* Грандіознѣйшее побоище висѣло на волоскѣ!.. Но не всякій, конечно, готовъ былъ выступить на путь такого энергичнаго и рѣшительнаго отпора! Многіе предпочитали оставаться въ сторонѣ, дабы не доводить дѣла до печальныхъ эксцессовъ! Только этимъ и можно объяснить проведеніе такой нелѣпой, для русскаго человѣка, резолюціи, которая была принята на физико-математическомъ факультетѣ: Мы должны протестовать противъ войны, такъ какъ она нужна не народу, а правительству для отвлеченія вниманія широкаго общества отъ его прямыхъ задачъ. Мы должны протестовать противъ войны, но если-бы намъ пришлось быть поневолѣ въ рядахъ войскъ, то обратитъ свое оружіе „не противъ мнимыхъ, а настоящихъ враговъ!“ Но мы уже знаемъ тѣ „симпатичные“ приемы, съ помощью которыхъ подпольнымъ агитаторамъ удавалось на сходкахъ диктовать свою волю! Теперь они поняты и на сочувствіе имъ уже разсчитывать нечего!

Только теперь я обнимаю полный смыслъ словъ студ. **Захарова**, бывшаго подстаросты 3-го курса, юридическаго факультета. На просьбу доказать разумность и необходимость студенческихъ забастовокъ, то онъ представилъ въ пользу ея слѣдующія основанія. Они во 1) закаляютъ волю человѣка, а во 2) вліяютъ на выработку характера. Наконецъ, онѣ являются иногда „смотромъ“ силъ, такъ сказать, „пробной мобилизаціей“. „*Маленькія забастовки, закаливая волю и выработывая характеръ, готовятъ насъ къ дальнѣйшей, болѣе серьезной борьбѣ.*“ И когда его спросили „какой“, то онъ замаялся, но теперь отвѣтъ ясенъ!..

Еще факты... Студентъ ветеранъ *Ткачевъ*, кочующій съ факультета на факультетъ вотъ уже въ продолженіи 11 лѣтъ, и занимающійся въ университетѣ *исключительно политической пропагандой*, въ этомъ году перейдя на юридическій (съ естественнаго) избранъ въ старосты 1-го курса, а студентъ Андрей З...чій, посягнувшій на Священную ... у ... а, въ подстаросты!!... etc.

Еще хуже дѣла обстоятъ на *физико-математическомъ факультетѣ*. Въ этомъ „революціонномъ гнѣздѣ“ открыто призывали къ борьбѣ съ „ненавистнымъ“ правительствомъ и къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка. Въ вынесенной резолюціи заключалось приглашеніе обратить свое оружіе, если только придется стать въ ряды войска, противъ *своихъ-же*.

Наглость агитаторовъ и ихъ издѣвательство надъ русскими идеалами доводила нѣкоторыхъ русскихъ товарищей до слезы! Когда одинъ студентъ, разстроенный всѣмъ происходившимъ и потрясенный оскорбленіемъ ... ря, выступилъ со слезами, то „сородичъ“ З...вчаго—*Водяницкій* такъ охлаждалъ аудиторію: „Товарищи, вы видѣли только что слезы, но эти слезы *волчьи, крокодиловы*, они пролиты въ пустой слѣдъ, и потому они не должны производить впечатлѣнія! (?)“.

Вотъ тѣ отвратительные факты, которые приняли въ харьковскомъ университетѣ хроническій характеръ. Но они „не интересуютъ“ проректора! Поэтому втуне спрашивать, *какъ-же* онъ борется съ позорнѣйшими явленіями въ нашемъ храмѣ науки, *что* предпринимаетъ онъ для поддержанія достоинства его на должной высотѣ? Мы уже знаемъ объ этомъ отчасти по тѣмъ грубымъ окрикамъ, которыми сопровождались его объясненія съ Бѣлымъ, *непосредственно* послѣ его избіенія „*что* вы тутъ дѣлаете, зачѣмъ вы записываете?!“ Когда же Бѣлый указалъ на студента Г. Крекшина, оскорбившаго его съ кафедры и просилъ узнать его фамилію, что на это проректоръ отвѣтилъ, не долго думая и нисколько не смущаясь, „*это* меня не интересуетъ!“ Но особенно опредѣленно выясняется отношеніе проректора и къ краснымъ лидерамъ и простѣйшимъ хулиганамъ, исповѣдующимъ только „систему избіенія“ изъ его позднѣйшей бесѣды съ Бѣлымъ, при подачѣ имъ прошенія о пособіи на лѣченіе. Онъ сказалъ, почти

дословно, слѣдующее: „Ну, вотъ вы больной человѣкъ, а такъ себя ведете! Ну, какъ же можно сидѣть и записывать фамиліи ораторовъ? Зачѣмъ вы это дѣлаете? Неужели вы не можете понять „своей“ головой (точно можно понимать „чужой“), что это можетъ вызывать подозрѣніе и раздраженіе? Вѣдь это хоть кого, „даже“ гимназистовъ и тѣхъ возмутило бы! Если-бы и я былъ на ихъ мѣстѣ, то тоже подумалъ-бы скверное! Ну, чтобы вы дѣлали еслибы не явился я и не заступился, вѣдь васъ могли-бы искалѣчить!“ На замѣчаніе Бѣлаго, что „записанное никому не было извѣстно, фамиліи ораторовъ не отмѣчались“, проректоръ Паліенко противопоставилъ показанія хулиганъ-избивателей „они мнѣ говорили, что заносились и вообще о предположеніи, что записки составляются для полиціи, вполне понятны и естественны“. На вопросъ же Бѣлаго „почему же вы не воспользовались моими замѣтками, вѣдь я вамъ предлагалъ“, отвѣта не послѣдовало, и проректоръ поспѣшилъ заговорить о другомъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ дѣла обстоятъ также просто, какъ и при избіеніи А—ца у акушерской клиники. Въ послѣднемъ случаѣ былъ виноватъ Ар—цъ, крутившій некстати свой усъ и тѣмъ раздражавшій весь курсъ, въ первомъ Б—ый, что-то записывавшій, чѣмъ вызвалъ сначала подозрѣніе, а затѣмъ „справедливое“ негодованіе и избіеніе. Но почему-же такая немилость постигла именно Б—го?! Вѣдь записывалъ не онъ одинъ, а и еврей *Брустинъ* и многіе другіе іудеи и инородцы! Почему-же они не подверглись той же участи! Вѣдь Азефъ былъ, кажется, не русской національности. Или, быть можетъ, въ русскомъ университетѣ строго проводится принципъ, что позволено іудею и инородцу, то не позволено русскому? Проректоръ теперь старается замести слѣды этихъ печальныхъ событій! Онъ думаетъ „уладить“, „замаять“ все это дѣло и вмѣсто того, чтобы виновниковъ въ нарушеніи правильнаго теченія академической жизни подвергнуть законной отвѣтственности, прилагаетъ всѣ усилія, „чтобы никто не пострадалъ“.

Хорошо, что хоть губернаторъ обратилъ свое вниманіе на безчинства, безнаказанно чинимыя подпольными дѣятелями въ храмѣ науки. Можно думать, что послѣ „объясненій“ проректора съ губернаторомъ ему уже больше „не захочется“ разрѣшать подобныя позорнѣйшія и оскорбительнѣйшія „со-

бранія“ для русскаго человѣка въ русскомъ университетѣ! Неужели допустимо какое-либо обсужденіе по вопросу объ отношеніи къ *патріотической манифестаціи*, въ которой добровольно участвовало почти все студенчество?! (за исключеніемъ развѣ паршивыхъ овецъ). Въдь это значило-бы судить самихъ себя!! Ясно, что это рѣшеніе исходило не изъ студенческой массы, а извнѣ! *Этого не могло не понимать и начальство!* А между тѣмъ оно, въ угоду революціонной шайкѣ, для „чего-то“ *разрѣшило* нелѣпѣйшую и постыднѣйшую *сходку* (а по терминологіи г. проректора собраніе) въ храмѣ науки! ***Для чего-же именно?!***

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ проректоръ (въ понедѣльникъ, 13 октября) объявилъ студентамъ, чтобы они не устраивали не только „сходокъ“, но даже и „собраній“, такъ какъ это запретилъ губернаторъ, и за каждымъ разрѣшеніемъ теперь нужно обращаться къ губернатору!..

Но чего-же, такой „находчивой“ администраціи, какъ нашей, особенно убиваться? Въдь выходъ есть! Можно теперь, разъ запрещены сходки и собранія, разрѣшать „совѣщанія“, „засѣданія“, „обсужденія“ и проч. А наши евреи оказались прозорливѣе своихъ начальниковъ. Они, *предвидя* это, успѣли войти въ различные „комитеты“ и „организациі“ и подъ ихъ именемъ думаютъ продолжать свое „освободительное“ дѣло. Не угодно-ли полюбоваться „смердящимъ“ букетомъ именъ „комитета по устройству помощи раненымъ“ и „ревизіонной комиссіи“.

Члены комитета:

1. Гольдаты, 2. Гольдинъ, 3. Ильевъ, 4. Линецкій Израиль-Яковъ-Лейзеръ-Иделевичъ, 5. Миновичъ, 6. Минцъ, 7. Новиковъ, 8. Орловъ, 9. Рохлинъ, 10. Русинъ, 11. Симховичъ, 12. Сыркинъ-Шкловскій.

***Члены ревизіонной комиссіи* (еще лучше).**

1. Зетлеръ. 2. Кокинъ, 3. Рубинштейнъ, 4. Феберъ, 5. Шапиро.

А какую пользу принесутъ ребѣ Сыркинъ-Шкловскій или ребѣ Израиль-Яковъ-Лейзеръ-Иделевичъ—***Линецкій***, можно судить по тому, что послѣдній чуть не лишился рукъ, „хлопая“ своему соплеменнику *Позументирову*, поносившему патріотическія манифестаціи и призывая къ борьбѣ съ „ненавистнымъ правительствомъ“.

Нѣтъ! Ужъ коли бороться со зломъ въ корнѣ, то необходимо немедленно закрыть всѣ студенческія организаціи съ подобнымъ „составомъ“.

Но вотъ приближались дни Толстовской „тризны“, а вмѣстѣ съ ними и очередныя забастовки. Вновь заработали подпольные агитаторы, вновь начали распространяться въ университетѣ прокламаціи съ призывомъ забастовать въ память годовщины смерти Толстого. Но на сей разъ благоразумное большинство восторжествовало, и лекціи въ университетѣ прошли почти всѣ. Однако, проф. *А. Н. Фатѣеву* не совсѣмъ угоденъ былъ такой оборотъ, и онъ, желая напомнить о „традиціонныхъ“ толстовскихъ забастовкахъ, предложилъ годовщину смерти Л. Н. Толстого почтить... вставаніемъ!

Такъ какъ траурная забастовка не прошла, то революціонные агитаторы ищутъ новый поводъ объявить забастовку, съ цѣлью воспитанія молодыхъ товарищей (первокурсниковъ) въ забастовочномъ духѣ, такъ какъ они, не заразившись еще революціоннымъ ядомъ, представляютъ сильную оппозицію ихъ политическимъ стремленіямъ. И вотъ поводъ они скоро нашли!

Въ Петроградѣ были арестованы 12 человекъ социаль-демократовъ, среди которыхъ было 5 депутатовъ Гос. Думы, покушавшихся поколебать военную мощь Россіи пропагандой противъ войны. Опять всплыли на сцену митинговые ораторы. На юридическомъ факультетѣ все тѣ же *Захаровъ* и *Богдановъ* взывали отъ имени группы лицъ (не называя какой именно, а потомъ оказавшейся с.-д. и с.-р.) объявить на завтра 12 ноября однодневную забастовку, въ знакъ протеста противъ ареста членовъ Госуд. Думы. Когда слышались голоса протеста противъ этого предложенія, то названные выше заправила, видя что ихъ предложеніе можетъ быть „провалено“, рѣшили никому не давать слова „по существу“ и настаивали на баллотировкѣ этого предложенія безъ предварительнаго его обсужденія. Излить свои чувства получилъ возможность извѣстный краснбай Богдановъ, обратившійся къ присутствующимъ со слѣдующими словами: „Господа! Если товарищъ Захаровъ и не допускаетъ обсужденія вопроса „по существу“, то это дѣлается въ силу тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыхъ мы находимся. Обратился онъ именно такъ потому, что онъ видитъ въ васъ то-

варищей, читающих газеты и потому знающих настоящее положеніе вещей. Онъ разсчитывалъ въ васъ, товарищахъ, найти откликъ своему призыву, обсужденіе же является вполне излишнимъ, и слѣдуетъ ограничиться только баллотировкой предложенія“. Съ лихорадочной поспѣшностью былъ поставленъ на баллотировку вопросъ: „Кто *за* забастовку,— прошу поднять руку“... Руку поднимаютъ только нѣсколько человѣкъ.

Тогда предсѣдатель Захаровъ, пытаясь выйти изъ „критическаго“ положенія, передѣлываетъ вопросъ: „Кто *противъ* забастовки“—поднимаетъ опять таки незначительная группа. Эти два вопроса слились, и трудно было разобрать, какое предложеніе баллотировуется. Нѣкоторые спрашивали, *что* баллотировуется, но предсѣдатель (не обращая вниманія на эти вопросы) провозгласилъ: „Забастовка объявлена *очевиднымъ* большинствомъ (?). Итакъ, завтра лекціи и практическія занятія не должны посѣщаться“. Его соединомышленникъ Богдановъ поправляетъ: „нѣтъ, товарищи, въ судъ можно идти, вѣдь это не практическія (?) занятія!“ И Захаровъ немедленно исправляетъ свою резолюцію добавленіемъ Богданова. Безъ всякихъ обсужденій и голосованій принимаются предложенія этихъ подпольныхъ дѣятелей и выдаются за общестуденческія! За несоблюденіе такихъ забастовокъ объявляется бойкотъ.

Въ день забастовки состоялись лишь нѣкоторыя лекціи, большинство же не состоялось. Успѣху забастовки много содѣйствовали сами профессора. Прив.-доц. Тауберъ, увидѣвшій въ аудиторіи 1—2 слушателя, отказался читать (на второй часъ не являлся), а профессоръ Поповъ, отказавшись читать лекціи въ день забастовки, вывѣсилъ объявленіе съ приглашеніемъ пойти въ сѣздъ мировыхъ судей „для практики“.

Подстрекатели къ забастовкѣ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, не подверглись никакой дисциплинарной отвѣтственности, напротивъ того, они по прежнему считаются „лучшими“ изъ курса, состоя его представителями.

До сихъ поръ мы отмѣтили насколько позволилъ размѣръ брошюры, „либеральный“ ростъ въ студенческой средѣ тотъ же „прогрессъ“ въ освободительномъ движеніи по сравненію съ прочими годами замѣчается и въ профессорскихъ сферахъ. Прежде профессора оказывали свое лишь *косвенное*

содѣйствіе, покровительствуя революціоннымъ агитаторамъ и оказывая свое могущественное вліяніе на штрейкбрехеровъ даже и на экзаменахъ. Самъ глава нашего мѣстнаго учебнаго округа извоилъ выразить порицаніе лицамъ, посѣщавшимъ лекціи въ періодъ забастовки, назвавъ это явленіе *ненормальнымъ* и рѣшилъ съ нимъ бороться (все это говорилось представителямъ, выбраннымъ по его предложенію для переговоровъ съ нимъ на забастовочныя темы и ими передавалось на сходкахъ). Теперь же профессора рѣшили содѣйствовать борцамъ революціи прямо, непосредственно. И въ этомъ направленіи сдѣланы уже существенныя попытки. Чтобы составить о нихъ ясное представленіе, намъ необходимо будетъ коснуться и отношенія профессоровъ Харьковскаго университета и попечителя къ тѣмъ же патріотическимъ манифестаціямъ (9 октября). Въ этомъ отношеніи „освободительные“ профессора ничуть не отстаютъ отъ „сознательныхъ“ студентовъ! Даже въ такой тревожный моментъ, какой переживаетъ Россія въ настоящее время, они не могутъ проникнуться благородными патріотическими порывами. Видно, что эти святыя порывы не свойственны ихъ душамъ! Интересы родины и своего народа ими ставятся ни во что! Самыя возвышенныя чувства молодого, благороднаго и самоотверженнаго юношества, подвергаются съ ихъ стороны недостойной ироніи и даже насмѣшкамъ.

Профессоръ *Поповъ*, напримѣръ, интересуется *только* завѣтами Михайловскаго и Бѣлинскаго и негодуетъ на студентовъ манифестантовъ, „кощунственно“ поправшихъ эти идеалы. *Второй* экземпляръ...

Одинъ студентъ, желая послужить родинѣ, въ трудную годину въ качествѣ офицера, рѣшилъ добровольно поступить въ военное училище. По вопросу объ отсылкѣ его документовъ онъ имѣлъ такую бесѣду съ деканомъ юрид. фак. проф. *Левитскимъ*. Студентъ Н. спрашиваетъ декана: можно-ли поступить въ военное училище, не забирая своихъ документовъ изъ Университета?—Онъ отвѣтилъ: „Гм. И вы хотите казарменнымъ духомъ подышать?! Дѣло ваше, но между казармой и школой нѣтъ ничего общаго, и потому вы должны будете уйти изъ Университета. Кромѣ того вѣдь васъ призываютъ?—Значитъ вы не можете оставаться!“ Н. поясняетъ,

что идетъ онъ *добровольно*. На это „почтенный“ проф. ядовито замѣчаетъ: „Гм, и васъ военная горячкахватила?“

Но дальше въ лѣсъ больше дровъ—говорить пословица—и она оправдывается! Не угодно-ли послушать такое привѣтственное слово попечителя учебн. окр. *Соколовскаго*, къ студентамъ-манифестантамъ: „Дорогія дѣти мои! Васъ Государь Императоръ призываетъ на защиту *вашей* дорогой родины. Вы—ея вѣрные и преданные сыны. Желаю всего вамъ хорошаго. Возвращайтесь—же такими добрыми, жизнерадостными и любящими *свою* родину юношами. Не забывайте и своего стараго попечителя“. (См. „Харьк. Вѣдом. за 10 окт.).

Принципъ раздѣленія труда (съ помощью профессора политической экономіи Левитскаго) въ дѣлѣ подготовки революціи проведенъ какъ нельзя лучше. Одни поносятъ исконные русскіе завѣты, издѣваясь надъ благороднѣйшими чувствами патріотизма (проф. Левитскій), другіе превозносятъ идеалы Михайловскаго и Бѣлинскаго, третьи оказываютъ „либеральное“ давленіе на экзаменахъ (Левитскій, Пенскій, Шатиловъ и др.). Проректоръ борется со штрейкбрехерствомъ и открыто оправдываетъ насильственные дѣйствія господъ „освободителей“, а при случаѣ награждаетъ освобожденіемъ отъ платы и прочими пособіями. Такіе господа, какъ Заливчій, освобождаются отъ платы въ первую очередь, вопреки параграфу университетскаго устава, запрещающаго давать пособія лицамъ, неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи.

А папаша Соколовскій, сносясь, съ кѣмъ нужно, а то и собственной властью покрываетъ, оставаясь вѣрнымъ присягѣ Вильгельму II-му, своей „могучей“ рукой дѣятельность забастовщиковъ, предавая въ то же время суду штрейкбрехеровъ (Арутюнянцъ), не пренебрегая, конечно, и другими средствами борьбы съ этими опасными „реакціонерами“. Въ распространяемыхъ забастовщиками прокламаціяхъ студенты приглашаются устраивать факультетскія сходки по вопросу объ арестѣ товарища Цуверкалова за рѣчь, произнесенную на студенческомъ собраніи, вопреки увѣреніямъ попечителя, что никто не пострадаетъ. Но всеиіемъ Соколовскій все же не отличается, а потому упрекъ этотъ неоснователенъ, и справедливость требуетъ отмѣтить „честное“ исполненіе имъ обѣщаній, данныхъ забастовщикамъ. На медицинскомъ факуль-

тетѣ, гдѣ „освободители“ захватили въ свои руки дѣло распредѣленія пособій, они думали оказывать этимъ свое вліяніе на непокорныхъ. Но пользованіе распредѣленіемъ стипендій и пособій обратило на себя вниманіе, и въ этомъ году оно передано въ руки особой профессорской комиссіи. Не мѣшало бы это доброе начало примѣнить и на другихъ факультетахъ. Но неразборчивость въ выборѣ средствъ борьбы мнимыхъ освободителей заходитъ еще дальше и простирается вплоть до лишенія „черносотенцевъ“ куска хлѣба. Такъ, студентъ Бѣлый послѣ избіенія его 11-го октября былъ лишенъ комитетомъ студенческой столовой бесплатныхъ обѣдовъ, несмотря на то, что пользовался ими уже почти въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. Дѣло обстоитъ здѣсь какъ нельзя проще. Назначеніе бесплатныхъ обѣдовъ находится въ рукахъ курсовыхъ старостъ, которые представляютъ отзывы, составленные на основаніи свѣдѣній, добытыхъ „агентурнымъ“ путемъ, комитету столовой, который, руководствуясь ими, назначаетъ, или отказываетъ въ бесплатныхъ обѣдахъ. Курсовые старосты, состоящіе на подборъ изъ революціонныхъ агитаторовъ, конечно дали о немъ неблагопріятный „отзывъ“, почему и въ обѣдахъ ему было отказано.

На просьбу Бѣлаго указать причину лишенія его обѣдовъ, курсовой староста Захаровъ отвѣтилъ „незнаніемъ“ и предложилъ не обращаться къ нему съ подобными вопросами, разъ Бѣлый не признаетъ его за старосту во всѣхъ „другихъ“ отношеніяхъ. На вопросъ Бѣлаго—„въ какихъ именно“, онъ отдѣлался замѣчаніемъ—„въ тѣхъ, въ какихъ признаетъ его „все“ студенчество. Какія же именно—вы должны знать“. Секретарь студенческой столовой мадамъ Поваринская объяснила отказъ комитета фельетонистическимъ характеромъ прошенія, которому, по ея выраженію, мѣсто въ „Жалѣ“. Бѣлому инкриминировалась слѣдующая фраза (подъ „особой рубрикой“): „Вслѣдствіе позорнаго избіенія меня въ храмѣ науки „культурными хулиганами“ мое здоровье еще болѣе ухудшилось“. Если же обвинять было въ несоблюденіи официальнаго тона прошенія, то нужно было выставить на видъ трагическій, а не фельетонистическій тонъ его.

Если же отъ такого печальнаго факта мадамъ Паваринскую бросаетъ въ смѣхъ, то она слишкомъ много смахиваетъ

на лейбхирурга Павлова, находившаго уколъ въ ягодицу „забавнымъ“. Затѣмъ въ рубрикѣ: „Членомъ какихъ обществъ вы состоите?“ онъ написалъ— „*ни* какихъ“, подчеркнувъ два раза частицу ни.

Въ этомъ была усмотрѣна демонстрація, и прошеніе по этому осталось неразсмотрѣннымъ. Такіе сбивчивые критеріи указываютъ намъ на то, что при распредѣленіи бесплатныхъ обѣдовъ принимается во вниманіе, что угодно, только не нуждаемость просящаго ¹⁾. Распредѣленіе пособій отъ вечеровыхъ суммъ находится также въ рукахъ „освободителей“ съ непремѣннымъ участіемъ Шемберга и подобныхъ ему.

Словомъ, давленіе со всѣхъ сторонъ, и противостоятъ революціонному засилью прямо таки мудрено. Бойкотъ, преслѣдованіе на экзаменахъ, лишеніе пособій, существенно касается многихъ студентовъ, которые благодаря этому вынуждены плясать подь іудо-нѣмецкую дудку.

Студенческая масса, какъ бы по приказу агентовъ Берлина, спѣшно „обрабатывается“ самими же профессорами. Положеніе съ каждымъ днемъ становится все серьезнѣе, и каждый мигъ промедленія можетъ принести новыя нежелательныя послѣдствія.

Спрашивается, чего добраго можно ожидать отъ воспитанниковъ при такомъ своеобразномъ составѣ воспитателей? И лишь *въ видѣ исключенія* можно видѣть въ нашемъ университетѣ профессоровъ, искренно любящихъ нашу родину и грудью болѣющихъ при видѣ всего происходящаго. Но ихъ единоличныя попытки, разумѣется, не въ состояніи бороться со зломъ, пустившемъ глубокіе корни!

До какой степени *распущены въ нашемъ университетѣ лѣвыя агитаторы*, можно судить по прямо таки невѣроятнымъ, сказочнымъ фактамъ!

На вѣрноподданническую телеграмму, посланную Государю Императору студентами-манифестантами и телеграмму Верховному Главнокомандующему, г. Харьковскимъ Губернаторомъ были получены Всемилоствѣйшія благодарственныя телеграммы. Ихъ торжественное оглашеніе въ технологическомъ и ветеринарномъ институтахъ состоялись въ первый же будничный день (понед. 13 окт.) въ стѣнахъ своихъ учебныхъ

¹⁾ А между тѣмъ совѣтъ университета ежегодно даетъ студенческой столовой пособіе въ 700 р. На эти деньги кормятся революціонеры.

заведеній. По окончаніи чтенія раздалось громогласное „ура“, провозглашалась „здравица“ всему Царствующему Дому. Пѣли народный гимнъ, „Спаси Господи“ и проч.

Оставалась очередь за университетомъ!

Но наше начальство, знающее, какъ поступать въ „освободительномъ“ движеніи, сразу растерялось въ *данномъ* случаѣ: „не случилось-бы чего“. Долго оно думало-гадало, и наконецъ во вторникъ (14 окт.) порѣшило огласить „Царское слово“ въ четвергъ, 16 окт. въ 1 часть дня, въ актовомъ залѣ. Обѣщало вывѣсить въ университетѣ плакаты съ извѣщеніемъ объ этомъ и кромѣ того опубликовать о томъ-же въ среду и четвергъ въ мѣстныхъ газетахъ.

И вотъ въ четвергъ, къ часу дня, согласно предварительнымъ переговорамъ, къ университету начало сходитьсь громадное количество студентовъ, несмотря на то, что университетская администрація не потрудились *ни вывѣсить объявленіе, ни оповѣстить объ этомъ въ газетахъ*. Но каково было разочарованіе явившихся, когда они узнали, что оглашенія Высочайшихъ телеграммъ сегодня не состоится, и на когда оно переносится, объ этомъ никто въ университетѣ не могъ сказать. Такъ всѣ и разошлись...

Въ четвергъ, 16 окт., во второмъ часу дня проректоръ и ректоръ пригласили одного студента Ф. С., сочувственно относившагося къ патріотическимъ манифестаціямъ и имѣли съ нимъ по вопросу объ оглашеніи этихъ телеграммъ довольно продолжительные разговоры.

Ректоръ проф. **Нетушилъ** сообщилъ, что рѣшено огласить телеграмму, завтра, 17 окт., послѣ молебна, въ библиотечномъ залѣ. **Студ. Ф.** заявилъ, что никто о предстоящемъ чтеніи не знаетъ, и что студентовъ потому будетъ очень мало. **Нетушилъ** обѣщаетъ сдѣлать объявленіе и проситъ студ. Ф. съ своей стороны оповѣстить товарищей. Ф. настаиваетъ, что студентовъ будетъ все же мало.

Нетушилъ радуется этому обстоятельству и говорить „Вотъ и хорошо будетъ! (?) Никто не будетъ мѣшать! Никакихъ эксцессовъ не произойдетъ! Вы „ура“ закричите!“

Но **Ф.-у** эта перспектива не улыбается, и онъ обиженнымъ тономъ заявляетъ: „вы простите, но вы желаете поставить насъ въ унизительное положеніе **статистовъ!**“

Нетушилъ оправдывается; „нѣтъ, зачѣмъ, чтобы съ подъемомъ вышло! Какъ слѣдуетъ!“

Ф. интересуется, почему бы не устроить это въ актовомъ залѣ, сдѣлавъ, конечно, объ этомъ объявленіе. На этотъ вопросъ беретъ отвѣтить проректоръ **Н. И. Палиенко**: въ библиотечномъ залѣ *лучше будетъ видно, кто будетъ мѣшать, свистать, шаркать*“, а затѣмъ проситъ не устраивать манифестацій:

Ф.—какъ-бы не понимая, переспрашиваетъ, какихъ манифестацій? На этотъ разъ **Палиенко** даетъ описательное ихъ опредѣленіе: „*Ну вотъ этихъ шествій по улицъ съ портретомъ, и флагами*“.

Ф. напоминаетъ, что онъ не является ни чѣмъ представителемъ, а потому, за другихъ (затрудняется) отказывается отвѣтить! „Торжественное“ оглашеніе Высочайшихъ телеграммъ состоялось въ университетской церкви, менѣе, чѣмъ при двухъ десяткахъ студентовъ, присутствовавшихъ въ храмѣ, а ректоромъ была продиктована въ „Х. В.“ замѣтка о томъ, что торжественное оглашеніе состоялось въ храмѣ, „переполненномъ“ студентами, съ пѣніемъ гимна и проч.!! Объявленіе объ оглашеніи было вывѣшено наканунѣ дня чтенія послѣ двухъ часовъ пополудни, т. е., когда изъ университета разошлись всѣ студенты! Нужно было видѣть только смѣющіяся и злорадствующія іудейскія фізіономіи въ университетѣ (18 окт.) для того, чтобы оцѣнить этотъ „дипломатическій“ шагъ нашей администраціи!!

О, Боже, до чего мы дожили!!!

Не рѣшаемся объявить русскому человѣку ласковое Царское слово!!!

III.

З а к л ю ч е н і е.

Вотъ до какого нравственнаго разложенія можетъ довести попустительство начальства!! Но къ счастью русское студенчество сохранило еще душу живу! Въ немъ течетъ еще здоровая, не отравленная кровь! Ему и теперь, какъ и всегда свойственны самые благородные порывы.

Истинно-русскій человѣкъ не можетъ довольствоваться стремленіемъ только къ наукѣ. Его русская натура не позво-

ляетъ ему порвать связи съ русскимъ народомъ! Онъ соединенъ съ нимъ неразрывными кровными узами!

Естественно, что и въ храмѣ науки, онъ не можетъ быть измѣнникомъ русскому дѣлу, а потому, кромѣ оздоровленія русской школы, кромѣ освобожденія ея отъ политической и революціонной рутины, онъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ бороться со всѣми исконными врагами Россіи и содѣйствовать національному росту русскаго сознанія, какъ главнѣйшему оплоту противъ разлагающихъ элементовъ русской государственности и русской народности!

Вѣрные сыны своей родины должны стремиться къ созиданію именно того, надъ разрушеніемъ чего враги такъ упорно стараются. И первое свое вниманіе мы должны обратить на **высшую школу**, и изъ арены политической и противоправительственной пропаганды превратить ее въ истинный храмъ науки!

Довольно съ насъ! Довольно быть высшей русской школой притономъ злонамѣренной воли и очагомъ духовнаго разврата!

Искушенное горькимъ опытомъ пережитыхъ годовъ, сплотись русское, разрозненное, но живущее высокими идеалами студенчество, сплотись, сомкни свои ряды, расправь, высоко подними надъ главою своей старое чистое студенческое знамя съ девизомъ „Родина, честь и наука“ и, вѣривъ въ будущее возрожденіе, мощь истерзанной внутреннимъ врагомъ и распрями Россіи, ступай впередъ, противопоставляя грязной силѣ подполья свою честную, идейную, русскую, молодую силу.

Итакъ, иди же по вновь намѣченному тобой пути!

И если насъ за преданность нашему народу и своей родинѣ будутъ клеймить позоромъ, то мы съ гордостью должны его причять, ибо мы служимъ нашему **Царю** и нашей великой **родинѣ—Россіи!**

502

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 7720

